

О.Воля
Американское сало роман

Продукт создан с применением фолевой
технологии психоэмоционального воздействия и
консервирования, которая позволяет сохранять
полезные свойства без ограничения
времени и гарантирует качество сытности
и удовольствия.

О. Воля

Американское сало

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181517
Американское сало: Алгоритм-Книга; М.: 2009
ISBN 978-5-9265-0725-3

Аннотация

«Американское сало» – не просто роман о реальной политике, это целый проект.

Его задача – рассказать о технологиях nation-building, по условиям которых уже давно живет весь мир, но толком не знает, что это такое.

Если ты смотрел легендарный фильм «Плутовство» с Дастином Хоффманом в главной роли, если знаешь «Абсолютную власть» со Стивеном Фраем и хочешь узнать, как путем нехитрых манипуляций (никакой магии!) можно за год разрушить целую страну и создать на ее месте новую, – читай «Американское сало»!

Свобода – в том, чтобы сказать себе правду. Правда никогда не бывает удобной. Многие не выдерживают ее и уходят навсегда.

Ты должен остаться.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
Глава первая	6
* * *	7
* * *	8
Глава вторая	10
Глава третья	15
* * *	18
* * *	19
Глава четвертая	29
* * *	32
Глава пятая	35
* * *	39
Глава шестая	43
* * *	43
* * *	45
* * *	46
Глава седьмая	48
Глава восьмая	56
* * *	57
* * *	60
Глава девятая	63
* * *	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

О. Воля

Американское сало

Пролог

В конце XX века человечество погрузилось в атмосферу благодушия. Америка пользовалась своим статусом единственного властелина мира и безудержно потребляла. Долги среднего американца намного превысили суммы, которые он способен отдать или заработать в будущем. Европа превратилась в большой, ленивый и игрушечный курорт. Обнищавшая после разгрома СССР Россия и постсоветские страны боролись за выживание, ни на что не претендуя. Африка не бунтовала и тихо вымирала от СПИДа и голода. Арабские шейхи наслаждались местом нефтяных монополистов и флиртовали с английскими принцессами. Австралия занималась серфингом и теннисом. Латинская Америка забыла партизанщину и пыталась строить разнородные виды капитализма. Нищая Индия медитировала. Япония и другие тихоокеанские тигры, забыв про прежние экономические чудеса и рывки, перешли к периоду застоя. Проснувшийся Китай довольствовался скромным местом всего лишь региональной державы. Появились политологи, которые заявляли о «конце истории», о том, что ничего интересного в этом мире уже не произойдет.

Но наступил век XXI. Какие вихри закружили планету! На глазах всего мира в Нью-Йорке рушатся башни-близнецы Всемирного торгового центра – символа американской и мировой экономической гегемонии. В Африке завелись пираты и полевые командиры. Арабы рвутся на священную войну. Китай заставляет извиняться американцев. В Латинской Америке носят майки с Че Геварой и свергают проамериканских президентов. В Париже жгут машины. На Балканах, на Кавказе, на Украине происходят «цветные революции». Цены на нефть бьют все рекорды, а потом весь мир впадает в финансовый кризис. Миллионы американцев остаются без домов и вынуждены перестать потреблять. Они избирают чернокожего президента, хотя еще тридцать лет назад во многих кафе висели таблички «вход только для белых».

Не сошел ли весь мир с ума? Что вдруг случилось? Куда делось прежнее благодушие и благополучие, куда делся исторический оптимизм? Кто стоит за всеми этими процессами? Какие игроки устраивают «бархатные революции», локальные вооруженные конфликты и финансовые кризисы? Чего они добиваются?

Тысячи экспертов и аналитиков достают свои схемы и графики, сыплют цифрами статистики и объясняют все происходящее с точки зрения той или иной любимой теории. Они обобщают данные и оперируют долгосрочными трендами и тенденциями. Их «птичий язык» непонятен, да и сами они не вызывают доверия. Люди уже давно перестали доверять средствам массовой информации, приспособленным для «промывки мозгов», а не для сообщения правды.

Люди доверяют только себе а не привычным государственным институтам, партиям, лидерам. Они связываются друг с другом через Интернет, общаются в форумах, блогах. Но и там их уже ждут манипуляции и фальшивая информация, ведь и туда проникли вездесущие манипулятивные технологии.

Но иногда получается так, что волею судеб такие же, как все мы, «маленькие люди», от которых мало что зависит в этом мире, попадают в закрытый мир тех, кто вершит судьбы планеты. Иногда парикмахер, который по долгу службы бреет какого-то премьер-министра, может узнать больше, чем редактор мирового информационного агентства. Иногда простой

охранник, случайно попавший в эскорт президента, может узнать, что говорят в самом тесном кругу олигархов и военных.

Свидетельства таких людей необычайно ценны. Редкий случай, когда удастся заглянуть за кулисы мирового спектакля. Эта книга построена на таких свидетельствах, касающихся событий недавнего прошлого и настоящего, событий, которые все мы наблюдали, обсуждали, но так и не поняли.

Ах да, дежурная фраза: все события вымышлены, а совпадения – случайны, кто бы сомневался!

Часть первая

Глава первая Январь 2004 г.

– Літайте літаками «Авіаукр». Авіакомпанія «Авіаукр» це ваша надійність, безпека і комфорт.¹

– Агентство «Рейтерс» сообщает, что находящийся в Ираке украинский контингент оказался в районе активного партизанского движения.

Подходил к концу пятый час полета. Ровный гул турбин, к которому добавлялся еще и свистящий шумок кондиционера, нагонял сон. Обо всем уже было говорено-переговорено, и поэтому в пилотской кабине «АНА» на какое-то время воцарилось молчание. Гена Головка – второй пилот, или «правач», как его кличут в военно-транспортной авиации, сидел в своем кресле, бесстрастно взирая на большое кучевое облако.

Руки правача Гены лежали на коленях, потому как машина шла на автопилоте и «левый», он же первый, пилот и командир экипажа переводить на ручное пока не спешил. Гене было скучно. Ему хотелось поболтать, но на ту тему, что волновала его, он заговорить не решался. Что они везут? Какой там еще «груз-200»? И почему с грузом в десантном отсеке сидят два особиста? Да еще таких особиста, что даже многое повидавший на своем веку командир их экипажа полковник Осадчий и тот присмирел и хвост поджал! Геша неприятно поморщился, вспомнив, как в самом начале полета, когда Гена вдруг заговорил о тех особистах и о гробах, что заняли все шестьдесят штатных койко-мест десантного отсека их «АНА», командир Осадчий вдруг резко оборвал Гешу и, покрутив пальцем у виска, постучал по гарнитуре, давая понять, что, мол, «не болтай понапрасну, все разговоры фиксируются». А что такого? Подумаешь! Он всего-то только спросил, откуда гробы? И почему гробы из Афгана да в Украину? Разве в Афгане воюют украинцы? В Ираке – да, украинцы помогают американцам, а вот в Афгане... Всего-то только поинтересовался. Проявил, так сказать, здоровое любопытство. А Осадчий сразу пальцем возле виска крутить... Обидно!

– Алупка, я Полста шестой, Алупка, ответь Полста шестому, – нарушив тягостное эфирное молчание, с дежурной ленцой пробасил в гарнитуру командир.

Гена машинально вздохнул. «Алупка» – это позывной Жулян, и это значило, что их полет подходил к концу.

Все устали, всем хотелось в душ, всем хотелось горилки с яичницей, всем хотелось к женам или к подружкам – кто как по жизни устроился... Конечно, они заработали свой отдых, ведь до этого двое суток сидели в Кандагаре, ожидали этот странный «груз-200». Не очень-то веселое занятие, да и с бытом там, на старой еще советской авиабазе, просто труба. Ни душа тебе, ни жратвы нормальной. А из развлечений – только телевизор, а в нем две программы на языке пушту и фарси, да засаленная колода карт с туром в бесконечного «козла».

«А что может быть в гробах под видом «груза-«200»? – продолжал размышлять Гена. И почему такая секретность? «Почему вчера в Кандагаре эти двое особистов его, Гену, боевого летчика военно-транспортной авиации, дважды заставили расписываться в каких-то бумагах

¹ Летайте самолетами «Авиаукр». Авиакомпания «Авиаукр» – это ваша надежность, безопасность и комфорт.

об ответственности за неразглашение? Что там за гробы такие секретные? Что-то не слышал Гена о том, чтобы в Афган перевозили какой-нибудь украинский контингент! Уж если бы и перевозили, то слушок по их полку давно бы пошел, потому что, кроме них, транспортников, возить войска больше некому... «А почему некому? – от собственной пришедшей в голову мысли вздрогнул Гена. – А разве американцы не могли сами тайно перебросить туда пару батальонов? Вон в прошлом году четыре громадных «Си-130» устрашающе темно-зеленого цвета стояли в Коломые², что они там делали? Кого грузили?»

– Подходим к точке, – очнувшись от общей спячки, напомнил командиру штурман Вася Бойченко.

– Полтава, я Полста шесть, как слышишь меня?

– Полста шестой, я Полтава сорок семь, слышу вас хорошо, – ответил КДП.

Белое кучевое облако поглотило их самолет, и яркая, наполненная солнцем синева неба сменилась за остеклением кабины белесой влажной пеленой.

Все члены экипажа, слыша переговоры в своих наушниках, поняли, что командир сейчас будет заходить на посадку.

Автопилот уже был выключен, и чуткие Генины ладони сжимали теперь штурвал, чувствуя все те движения и посылы, что сообщал послушному самолету сидевший слева от Гены командир.

«Наше дело правое, – ухмылялся про себя Гена, в который раз повторяя поговорку летчиков военно-транспортной авиации: – Наше дело правое – не мешать левому».

– Полста шестой, я Полтава сорок семь, Полста шестой, я Полтава сорок семь. На полосе ветер встречный, пятнадцать, на полосе ветер встречный, пятнадцать, – слышалось в наушниках.

Вот и край посадочной полосы виден с белыми продольными полосками, указывающими критические пределы бетонки...

Самолет тряхнуло.

И сразу перегрузка бросила членов экипажа вперед, заставив их почти повиснуть на пристяжных ремнях.

Это командир, пуская по полосе черные от горелой резины колес следы и замедляя бег самолета, включил все тормоза.

До вышки не доехали метров триста.

Там их уже поджидали шесть крытых брезентом «Урала» и с два десятка военных в камуфляже.

* * *

Хочеш підкріпитися – з'їж «Твекс»! «Твекс» це заправка калоріями на важ день.³

– Активисты антикушмовского оппозиционного движения «Пора» собрались на слет, сообщает агентство «Взгляд».

Гулко громыхали подковки десантных ботинок.

– Швыдче, швыдче, хлопцы, – покрикивал майор, нервно наблюдавший за разгрузкой. Нервным он был от присутствия здесь двух особистов, что, дав майору инструкции, стояли теперь возле одного из «Уралов» и молча курили.

² Коломыя – военный аэродром под Ивано-Франковском.

³ Хочешь подкрепиться – съешь «Твекс». «Твекс» – это калории на целый день.

– Швыдче, швыдче, Петренко, твою мать, ты шо!
Но ребята и без того бегали очень и очень быстро. Быстрее некуда!
Уже четвертый «ЗИЛ» загрузили, двадцать гробов осталось.

Двадцать...

– Еп твою!

Порядок муравьиной цепочки, когда груженные муравьи бегут одним ручейком, а негруженные – рядом, в единый миг расстроился и рассыпался вдруг. Кто-то споткнулся, чья-то нога зацепилась за какую-то хреновину, солдат упал, упал муравей, несший свою ношу, на него другой солдат-муравей, а на них третий, четвертый...

Четверо солдат покатались по рампе, а вместе с ними два обшитых голубой тканью гроба.

Ткань лопнула, гроб с грохотом развалился на две части.

– Петренко! Еп твою, зараза, мать!

Выбираясь из кучи-малы, неуклюжий и не любимый начальниками Петренко еще раз споткнулся и грохнулся прямо на вывалившиеся из гроба мешки.

– Робя, дывыся, да тут мешки какие-то, да ошметки, мля! – услышал он чей-то голос, но страшнее было то, что он увидел прямо перед носом. Он лежал лицом к лицу с чьей-то окровавленной головой, его нос угодил прямо в беззубый рот трупа.

– А-а-а-а-а-а-а! – Петренко вскочил, отряхиваясь и матерясь.

Майор дрогнул, напрягся и кинулся к рампе, чтобы глянуть, что там такое. Что за бардак?!

– А ну все от груза прочь! – раздалось вдруг позади. – Я сказал, всем кругом марш и от рампы!

Это кричал один из особистов. Он уже выпрастал пистолет из подплечной кобуры и теперь, придав и без того устрашающему своему лицу еще более резкое выражение, гнал всех от развалившегося гроба.

– Майор, подойди сюда, – приказал второй особист, – солдат своих построь спиной к самолету, пока мы сами тут порядок не наведем, понял?

«Чего уж не понять!» – мысленно вздохнул майор и тут же криком и пинками принялся подгонять своих грузчиков:

– Взвод, в две шеренги становись!

– Там голова, голова оторванная, там много голов в гробах! – шептал провинившийся Петренко.

– Разговорчики в строю! – рявкнул майор.

* * *

– Презервативи «Визит». Ми за безпечний секс.⁴

– Лидер оппозиционной фракции «Наша Украина» встретится в следующем месяце с Хавьером Саланой, сообщает интернет-портал «Украинская новость».

Шесть «Уралов» выехали с аэродрома на шоссе и мрачной колонной направились в сторону Киева.

Шесть «Уралов», по десять гробов в каждом, всего шестьдесят.

⁴ Презервативы «Визит». Мы гарантируем безопасный секс.

– Ты видал, в одном гробу нога какая-то в ботинке, да еще ошметки, – вытаскивая из пачки сигарету, сказал товарищу сержант, – а в другом какие-то пакеты полиэтиленовые.

– Кончай трепаться, – делая затяжку, ответил сержанту товарищ.

– По телевизору говорили, что в Кабуле смертники на машине с тротилом в самую американскую казарму въехали и взорвали на х...

– Слыш, а ваще, на фига мы американские гробы куда-то везем? – спросил сержант. – А вдруг это наши пацаны?

– А нах наши пацаны там? – пожав плечами, переспросил товарищ и добавил, сплевывая: – Наши ведь там уже были.

– Не наши были, а москали, – прервал разговор сидевший возле самой кабины прапорщик, – а москаль вин рази людина?

– Ну, а мы на хера туда теперь полезли, в Афган? – продолжал недоумевать сержант.

– Не трепался бы ты, – прикрикнул прапорщик, – говорил тебе майор, неприятности могут быть.

– А ну стой! Эти откуда пронюхали!

Майор резко хватанул плечо сержанта, что рулил их «Уралом».

Выезд с аэродрома был перегорожен двумя «Нивами» и микроавтобусом с надписью «Телепобачинье».

Майор резко открыл дверцу и вышел, ослепленный вспышками камер.

– Пан майор, покажите нам гробы!

– Шановний пан майор, скажите, а правда, что вы везете сто гробов?

– Товарищ майор, дайте интервью телеканалу «Интерс»...

– Шановны пану майор, а правда, что вы тоже служили в Афганистане при Советах?

– Товарищ майор, среди убитых были ваши подчиненные?

– А правда там, среди убитых, есть тело сына депутата Верховной рады?

Сердитый майор ступил на асфальт. Он вообще-то как человек до мозга костей военный привык к тому, что, когда нога его ступает на асфальт плаца, батальон замирает, а дежурный офицер, глотая от волнения слова, орет, выпучив глаза: «Смирно!» – и, пропечатав несколько шагов строевым, докладывает потом, что за время отсутствия майора в батальоне происшествий не случилось.

Майор привык к порядку. И поэтому он ненавидел этих расхристанных волосатиков с проткнутыми пирсингом ушами, губами и ноздрями, этих ВИЧ-носителей, этих проституток, которые только и делают, что сосут друг у дружки и пишат потом всякие гадости про армию, про то, как, мол, полковники и генералы воруют да дачи под Киевом строят...

– А ну, все прочь отсюда! – гаркнул майор. – Прапорщик, очистить дорогу!

– Белых, Павленко, Башков, Яшкевич, Осыченко, с оружием к машине!

Несколько солдат гулко прыгнули с заднего борта «Урала» и, увлекаемые прапорщиком, начали теснить журналистов к телевизионному автобусу.

– Это незаконно!

– Прекратите пихаться, здесь женщины!

– Вы ответите за это в Страсбурге, майор!

Послышался характерный звук разбиваемой об асфальт дорогой фотокамеры.

Кто-то пискнул.

– Поехали отсюда, и так тошно, а теперь еще и в газеты попадем, – сплюнув на асфальт, сказал майор прапорщику и полез в свой «Урал».

– Е-аный Кушма, е-аный козел Кузюк...

Глава вторая Январь 2004 г.

– Світові зірки великого тенісу на змаганні на приз Президента України в Києві. Головний спонсор ігор горілка «Міров».⁵

– В Верховной раде обсуждается проект закона «О выборах Президента Украины», – сообщает специальный корреспондент телеканала «Интерс».

Президент Данила Леонидович Кушма сидел в своем кабинете на втором этаже резиденции, на улице Банковской, 10, в доме Городецкого, который бойкие экскурсоводы называют «домом с химерами». Перед ним на столе стояла наполовину пустая бутылка виски и бокал, который президент только что опустошил.

Вопреки распространенному мнению, что жизнь президента – сплошной праздник, Данила Леонидович был очень несчастным человеком. Он оглядывался назад и не мог вспомнить дня, когда бы ему было радостно, легко и беззаботно. Пожалуй, только в далекой уже молодости. Детство его пришлось на самые голодные послевоенные годы, и на всю жизнь в памяти засел страх – остаться голодным. Смекалистый деревенский паренек вгрызся в учебу, вступил в комсомол, и, пока его сверстники пили пиво и гуляли с девушками, он учился и сумел стать действительно неплохим инженером. Его заметили компетентные органы, и через некоторое время молодой специалист уже работал над созданием ядерных ракет, руководил запусками спутников на Байконуре, получил государственную премию. И все это уже в тридцать лет. Когда большинство его сверстников и одноклассников по несколько лет стояли в очередях на квартиру, он уже имел шикарную жилплощадь, дачу в престижном районе, ему не нужно было стоять в очереди за колбасой и сливочным маслом. Спецпайки с икрой, разнообразными паштетами, «Советским шампанским» и прочим союзным гламуром доставляли ему на машине. Жизнь удалась! И вот тут-то и сыграл с ним злую шутку детский комплекс голодного мальчика. Внешнее благополучие стало самооценным. Наука, техника, работа перестали его интересовать. Если раньше он мог три дня сидеть над чертежами, решая какую-то головоломку, то теперь он три дня проводил на охоте на кабана с партийными товарищами. А когда Даниле Леонидовичу предложили стать замминистра в Москве, он скромно отказался – предпочел непыльную должность директора Днепропетровского машиностроительного завода. Производство отлажено, напрягаться не надо, директор сам себе хозяин. Прежний авторитет давал возможность не прогибаться перед партийным начальством и жить в свое удовольствие. И вдруг в эту спокойную, налаженную жизнь ворвались вихри перестройки. Данила Леонидович всем своим нутром почувал весь ужас и близость голодной необеспеченной жизни. Призраки детства не давали спать по ночам. Он активно занялся политикой, пошел в депутаты. И, естественно, был искренне убежден в том, что старую хозяйственную систему разрушать не надо. Прежний президент Кривчук начал опасаться, что ему, демократу, на смену придет «красный реваншист Кушма», и сделал тонкий ход – приблизил к себе Кушму и дал ему место Председателя правительства. Это стало роковой ошибкой Кривчука. На новом месте Кушма обзавелся еще большим количеством связей, получил возможность пиариться на всю страну, а набрав популярность, стал говорить с Кривчуком ультимативным тоном, чтобы спровоцировать свою же собственную

⁵ Мировые звезды большого тенниса на соревновании на приз Президента Украины в Киеве. Главный спонсор игр горилка «Міров».

отставку. Теперь Кушма стал не просто мудрым хозяйственником, человеком, с которым простой народ связывал надежды на возвращение советских социальных гарантий, но и «обиженным» ненавистной властью. Поэтому Кушма легко выиграл президентские выборы и теперь уже окончательно вздохнул свободно. Призраки голодных лет не посмели являться в президентские апартаменты.

Уже в достаточно зрелом возрасте Кушма понял, что то, что он считал шикарной обеспеченной жизнью, будучи обычным «красным» директором, это детский сад по сравнению с шикарной жизнью настоящих богачей. Когда первый раз его привезли на отдых в эксклюзивный отель для миллиардеров в Сардинии, он стеснялся своих провинциальных привычек и стремился подражать завсегдатаям. Советчики быстро объяснили ему, что рубашку нужно носить с бриллиантовыми запонками, а пить надо не водку, а односолодовый виски. Взрослая уже дочка, которая с детских лет была, как говорили тогда, «мажоркой» и для которой светская жизнь была органична, взяла на себя обязанности папиного имиджмейкера. Она покупала ему немыслимо дорогие костюмы фантастических фасонов и цветов. Будучи технарем от природы, Кушма никогда всерьез не воспринимал такие сферы, как культура, образование и т. п. Экономика – вот базис общества. Это было его личным убеждением, жизненной позицией и, как он считал, объективной истиной. Данила Леонидович очень бы удивился, если бы кто-то ему сказал, что лозунг «Экономика – базис общества» – это и есть главный тезис советской коммунистической идеологии. Кушма был до мозга костей советским человеком и сам не подозревал об этом. Это-то его и подвело. Отработав первый президентский срок, он с удивлением обнаружил, что образование, идеология, культура и прочие ничемные сферы бытия, отданные им на откуп прежним политическим противникам, принесли им свои благодатные плоды. Украинские националисты, которых Кушма как человек серьезный, крепкий хозяйственник почитал за клоунов, внезапно расплодились и составили внушительную часть электората. Пока еще прежний советский избиратель был в большинстве, Кушма, используя привычную риторику и обещая сделать русский язык государственным, выиграл выборы. Но после них жизнь его превратилась в кошмар. Он не понимал, как идеология может быть сильнее очевидных материальных потребностей. Как огромное количество молодых людей, вопреки собственным прагматическим интересам и здравому смыслу, нарочно переставали учить русский язык и отказывались от поступления в российские вузы и переходили на украинскую мову. «Если не можешь остановить, надо возглавить», – по-комсомольски решил Кушма. И даже поручил кое-кому написать книгу «Почему Украина не Россия» и издал ее под собственным именем. Идея была простой – стать главным националистом на Украине. Советская, близкая ему по духу Восточная Украина и так будет всегда за него, а на Западе он таким образом приобретет популярность. Все обернулось с точностью до наоборот. На Западе уже были свои националистические лидеры, а вот Восток не простил Кушме невыполнения обещания о государственном статусе русского языка.

Рейтинг Кушмы стал стремительно падать. Это заметили все конкуренты. Они развернули открытую травлю президента. Иной раз, прочитав статейку какого-нибудь борзописца, Кушма физически ощущал, что если так пойдет дальше, то озверевшая толпа может просто его повесить – столько ненависти было в публикациях оппозиции. В порыве ярости однажды он даже приказал разобраться с одним строптивым писакой Гагаладзе, а через некоторое время, когда журналист действительно пропал, пленки с записями приказаний Кушмы появились в Верховной Раде. Началась грандиозная всенародная акция «Украина без Кушмы!». Именно в этот момент перед ним забрезжил спасительный свет в лице нового посла США Джона Хербста. Посол сразу произвел на Кушму впечатление своей деловитостью. Он мало говорил на публике, но зато в приватной беседе умел в трех предложениях изложить самое главное. И изложил: «Мистер Кушма, – сказал ему Хербст, – вы вряд ли станете президентом в третий раз. Когда вожак стаи становится слаб, его убивают его же

сородичи. В этом мире есть одна сила, которая может гарантировать вам жизнь, достаток, спокойную старость, – это Соединенные Штаты Америки. Мне не нужна от вас присяга на верность, просто слушайтесь моих советов». И Кушма согласился. Хербст был, пожалуй, единственным человеком, которому он верил. Всех бывших соратников он стал подозревать в предательстве, в тайном сговоре с оппозицией. И ему неприятна была сама мысль, что все эти люди, с которыми он работает, читают эти отвратительные газетенки, в которых пятнают его имя. Каждые три месяца Кушма менял министров, руководителей администрации, партийных лидеров. Но все новые были еще хуже предыдущих. У него началась бессонница. Для того чтобы как-то справиться с ней, он стал пить больше обычного. Но это только усугубило и без того тяжелое положение. Он стал неспособен принять решение, сосредоточиться на проблеме, спокойно поразмыслить. Жизнь превратилась в ад, из которого не было уже никакого выхода.

Он предал все, чему когда-то служил, во что когда-то верил. Мальчишкой, насмотревшись ужасов войны, слыша рассказы стариков, он ненавидел фашизм. А сейчас под давлением националистов и по совету Хербста вынужден был жать руки бандеровцам и бывшим эсэсовским офицерам. Молодой инженер-романтик под конец жизни превратился в беспринципного жадного вора и любителя красивой жизни. Строитель стратегических ракет, от одного упоминания о которых трепетали сотни миллионов американцев, сегодня безропотно выполнял команды американского посла. Дерзкий мечтатель и покоритель космоса сегодня променял просторы Вселенной на фольклорную деревенскую Украину с вышиванками и варениками. Все предано и продано, и обратного хода не было.

Кушма смотрел пустым взглядом на пустой бокал из-под виски, когда секретарь сообщил об очередном звонке американского посла.

– Соединяй! – кивнул президент.

Но секретарь остался неподвижен. Кушма раздраженно прикрикнул:

– Ну! Оглох?!

Секретарь, носивший говорящую фамилию Дубина, на самом деле уже давно раздражал президента. Кушма терпел его только потому, что тот владел многими его секретами, и выгнать или отдалить его было невозможно.

– Так ведь, Данила Леонидович, он просит к нему приехать... Срочно.

– Ну, так и шо? – перешел на суржик Кушма.

– А то, что по протоколу вам никак не положено ездить к послу. Потому как посол...

– Он посол, а ты – осел! Давай, подавай машину к заднему крыльцу. Только без спецсопровождения. Понял?

«Ого, – подумал Дубина, – что-то новенькое. Что-то случилось, что ли?» Но побежал отдавать распоряжения.

Секретарь Василий Александрович Дубина по образованию был историком, в прошлом – профессором Киевского университета. Он, как и Кушма, был «родом из детства». Только у него был свой комплекс неполноценности – Васильку не давала покоя его фамилия. Чтобы доказать всем, что он никакой не «дубина», Василий решил стать знаменитым ученым. А чтобы иметь возможность наказывать обидчиков детства, решил быть поближе к власти, поэтому и получилось так, что до горбачевской перестройки Дубина заведовал кафедрой истории коммунистической партии, а заодно и был членом бюро Киевского рескома. Василь Александрович отвечал за идеологию, а точнее, за обоснование практических народнохозяйственных решений всевозможными цитатами из Ленина, Маркса, Суслова и Брежнева. «Ты что угодно доказать можешь», – как-то похвалил Василия Александровича сам главный коммунист Украинской ССР Щербицкий.

Дубина защитил кандидатскую и докторскую диссертации, в которых доказывалось «неизбежное наступление коммунизма в самом начале XXI века», и уже готов был насла-

ждаться лаврами профессора, как к власти в Москве пришел Горбачев и испортил всю малину. Некоторое время Дубина даже числился в реакционерах, потому что не очень поддерживал взятый курс на «построение социализма с человеческим лицом». Когда СССР развалился и к власти пришел Ельцин, Дубина по инерции оказался в Коммунистической партии Украины и даже пописывал статьи о «вреде разрушения Союза». Еще через несколько лет, когда ему окончательно стало ясно, что в лагере коммунистов становится все голоднее и некомфортнее, Дубина решил потряхнуть стариной и воспользоваться своим искусством доказывать все, что угодно. В «Вестнике украинской культуры» он опубликовал статью «Кто же все-таки открыл Америку?». В начале статьи он похвалил националистических историков за то, что они доказали в своих работах высокую роль украинцев в становлении европейских стран. Но «шоры прошлого еще висят на наших глазах и не дают развернуться в полную меру, – писал он далее. – Давно пора выявить роль украинцев в становлении других континентов, в частности Америки». Как известно, первую европейскую экспедицию в Америку возглавлял Колумб. В этом имени чуткое имя Дубины расслышало корень «колом», который есть в названии города Коломыя Ивано-Франковской области. Следовательно, тот, кого испанцы называли Колумбом, – всего лишь «наш украинский казак, по прозвищу Коломьец». Может быть, это доказательство не слишком убедительно, если бы оно было одно. Но дело в том, что шкипером на корабле у Колумба был некий Хуан де ла Коса, а всем известно, что слово «казак» происходит от слова «коса». И, наконец, очень добавляет убедительности тот факт, что у колонизатора Франциска Писсаро тоже была кличка, подозрительно напоминающая казацкую, – «писарь». Статья заканчивалась требованием к мировой общественности поделить часть награбленного в обеих Америках с молодым украинским государством, а также в ознаменование исторической справедливости и торжества здравого смысла переименовать государство Колумбию в Коломыю. То же самое надлежало сделать и с федеральным американским округом Колумбийей.

Самому Дубине статья показалась скорее стебом над историками-националистами, но каково же было его удивление, когда он враз стал общепризнанным светилом новой украинской исторической науки. Его совершенно серьезно стали включать во все научные сборники, приглашать на конгрессы, но главное – удача улыбнулась ему, когда в один прекрасный момент ему позвонили из администрации президента Кушмы и попросили приехать для важного разговора. Оказалось, что президенту нужно срочно привлечь к себе симпатии националистического электората. Для этого он задумал написать книгу «Почему Украина не Россия». Написать ее, естественно, должен хороший *национальный* историк. И в качестве такового Кушме предложили Василя Дубину. Написание книги потребовало частых встреч с президентом. За это время «соавторы» привыкли друг к другу, и Василий Александрович остался у Данилы Леонидовича в качестве секретаря. Вот и сейчас они вместе вошли в кабинет Хербста и расположились в кожаных креслах напротив стола. Хербст тоже был не один, а с переводчиком, хотя переводчик не требовался – посол прекрасно говорил по-русски:

– Ваши меры безопасности, которые предпринимались или вообще не предпринимались вашими спецслужбами, обеспечивающими секретность миссии, оказались не на высоте, мистер президент. Ваши службы безопасности настолько же малоэффективны, насколько и жадны до денег. Нам известно, сколько министр обороны Кузюк заработал на перепродаже автоматов Калашникова болгарского производства грузинским военным, используя военную инфраструктуру Украины и отдельные суда Украинского черноморского флота. Мы готовы закрыть на это глаза, тем более что одинаково хорошо относимся к болгарскому и грузинскому руководствам. Но Кузюк не обеспечил главного – скрытности операции «афганские казаки». О ваших военных специалистах, работавших по нашей просьбе секретно в Афганистане и, к сожалению, погибших, узнали ваши журналисты. Теперь вас разорвут на части, господин президент!

– Что я должен делать?

– Вы можете делать все что угодно. Если бы дело касалось только вас, то я уже говорил вам, США обеспечат вам любые гарантии, но в данной ситуации нельзя допустить, чтобы международная общественность узнала, что в афганском конфликте используются военно-служащие третьих стран – не членов НАТО, да к тому же еще и гибнут. Это хуже, чем скандал с тюрьмами для террористов, созданных ЦРУ на территориях других стран. Если сегодня станет известно, что Америка секретно принудила украинцев воевать за свои интересы в Афганистане, то завтра Польша, Болгария и даже Германия зададут вопрос: а не гибнут ли и наши парни где-нибудь в секретных частях? А они тоже гибнут, могу вас успокоить. Не только украинцы пострадали. Но народы этих стран пока не готовы к тому, чтобы сознательно помогать Соединенным Штатам. Все привыкли лишь пользоваться нашими гарантиями безопасности, но никто не хочет ударить палец о палец, когда помощь требуется нам. Одним словом, мистер Кушма, вы можете предпринять любые действия для того, чтобы истинные причины гибели военных остались тайной для журналистов... И еще... У нас есть данные, что министр Кузюк делится с мистером президентом своими прибылями от нелегальной торговли оружием. Обнародование этой информации сделает невозможной надежду для господина президента на гарантии безопасности со стороны России в старости. Только США могут вам помочь после того, как вы отойдете от дел. Всегда помните об этом!

Хербст и его бесполезный переводчик поднялись с мест, давая понять, что аудиенция окончена.

Через двадцать пять минут Кушма сидел за тем же столом, на котором стояла недопитая бутылка виски.

– Исть будьмо, чи шо? – спросил он секретаря.

– Боржч... вот...

– Може буде и боржч. Тильки ни з капустою. З капустою нэхай москали з маланцами едят. А мне звары со шкварками та з фасолью.

Глава третья Январь 2004 г.

Страхування вашого житла в агентстві «Гарант» це гарантія вашого спокійного сну.⁶

Партия «Наша Украина» приняла решение не участвовать в обсуждении конституционной реформы, предложенной кушмистским большинством в Верховной раде, – сообщили источники, близкие лидеру фракции Ищенко.

Кортеж двигался сегодня как-то затейливо и замысловато. Вместо того чтобы сразу свернуть за Театром юного зрителя и выехать на Грушевского, ведущая машина свернула с Крещатика на Первую Институтскую, потом рванула направо по Садовой и уже только оттуда, подключив к мигалкам еще и противное побрякивание с сиреной, крутым виражом развернулась ко второму подъезду «Будинка Уряду України».

– Чего так хитро ехали? – выходя из машины и машинально застегивая нижнюю пуговицу на пиджаке, спросил премьер-министр Янушевич стоявшего за его спиной шефа своей охраны Николая Козака.

– Там по Грушевского трубу прорвало, мы в объезд, значит, – нервно покашляв в кулак, ответил Козак.

Дом правительства очень нравился Виктору Федоровичу Янушевичу, и, думая наперед о борьбе за президентское кресло, ему было даже жаль в перспективе переехать из этого очень красивого нарядно-белого с двух колонных фасадах внушительного десятиэтажного здания на Грушевского, 12, в скромный, по его мнению, «дом с химерами» на Банковской, 10.

В лифте, стоя между двумя охранниками, Виктор Федорович сильнее всего образом расчихался.

– Ты скажи своим уродам, чтобы не душились так одеколонами, на хрен, а то у меня глаза на лоб едва не повыскакивали, – сказал Янушевич Коле Козаку, кивком головы приглашая его вместе с ним проследовать в кабинет.

– Простите, Виктор Федорович, больше не повторится, – сухо ответил Козак, затворяя за собой двери.

В огромном кабинете их было двое. Премьер и его советник по безопасности.

Советник премьера Николай Козак родом был из Запорожья. В советское время, когда страной правил «наш дорогой Леонид Ильич» и все однокурсники и сослуживцы Николая тщательно штудировали книгу «Возрождение», Коля Козак даже немного жалел, что сам не из Днепропетровска, что он родился и вырос в не совсем «правильной стороне», но, с той поры как Украина стала самостоятельным государством и повсюду пошла откровенная мода на чупрыны и оселедцы, подполковник безопасности Козак приободрился и повсюду к слову стал примечать и приговаривать, что он из самых настоящих запорожских казаков. И фамилия у него была именно подходящая, и имя. Мыкола Козак. Для молодого офицера лучше и не придумаешь. А если серьезно, то биография у Коли Козака была для работы в аппарате премьера самая что ни на есть подходящая. Родился и закончил школу в Запорожье. Там же, в Хортицком районе города, и по сей день проживали его мать с отцом – ветераны «Запорожстали». Там же, в Запорожье, в отдельной от стариков квартире проживала и родная сестра Николая – Марина со своим мужем Иваном – инженером той же «Запорожстали», и

⁶ Страхование вашего жилища в агентстве «Гарант» – это гарантия вашего спокойного сна.

с двумя хлопчиками, приходившимися Николаю племянниками. По окончании школы Коля Козак тоже собирался было стать инженером – работать начальником смены, как отец, варить металл, прищурившись смотреть через закопченное стеклышко, как рабочие длинной кочергой пробивают летку, и как бело-оранжевая сталь стремительно течет в ковш и, падая, струя жидкого металла бросает тысячи огненных брызг. Красиво, как на вечернем Днепре в праздники, когда салют. Но вместо института Николай пошел в армию – психанул из-за упрямого своего характера, повздорил с деканом, ну... и вылетел с дневного. Но что ни делается – все к лучшему! Этот девиз, почерпнутый читающей публикой самой читающей страны из самого популярного в мире романа – из «Трех мушкетеров» Дюма, полностью сработал и в жизни молодого Николая Козака. Из первокурсников политеха Коля попал служить на границу, а пограничники, как известно, – это сфера Комитета госбезопасности. И неудивительно, что смышленного паренька заметили сперва в учебном отряде, а потом и на заставе, где Коля за два года дорос до звания старшего сержанта и последние дембельские полгода служил в должности начальника караула. «Какой же хохол, да без лычки!» – сказали бы иные товарищи, но Николай был прекрасным сержантом-пограничником, и при нем граница на его участке была действительно «на замке». Неслучайно его заметили и отметили кадровики из органов, и, когда настало время увольняться в запас, Колю вызвали в штаб округа, где с ним и еще с тремя ребятами с соседних застав побеседовал «человек в штатском». Ну, а после этой беседы, заехав домой в Запорожье всего только на недельку – повидать маму с папой да сестренку, что еще тогда не была замужем, Николай снова собрал чемодан да отправился сперва в Омск – в Высшее командное, а оттуда в город Таллин – столицу тогда еще советской Эстонии, где после полутора лет «крытки» – то есть полного казарменного положения, когда к нему даже маму с сестрой в эту сверхсекретную школу не пускали, и те только через военкомат знали, что, мол, их сын и брат находится в отдаленной точке в Заполярье, выполняя задание командования, и вот, после окончания этих заведений, Николай стал офицером КГБ.

Все в жизни и в службе Николая Козака было хорошо, но были в его данных лишь три закавыки, что мешали ему сделать блестящую карьеру... Первое, по фигуре, или, как принято говорить в актерской среде, по фактуре, он был слишком заметным. Ему бы с его статью и волевым подбородком героев-любовников в кино играть! Но разведка и контрразведка имеют потребность не в артистах типа Василия Ланового, а в офицерах среднего росточка, неприметных, с серенькой внешностью. Да и с языками у Николая не все было гладко. Особенно с произношением английских дифтонгов и с французским грассированием. Третья же закавыка в биографии Николая была в том, что он был «разведенцем». Когда Колю послали в Омск и он стал курсантом первого курса, замполит училища полковник Щетинин сразу объяснил ему, что будущему гэбисту – разведчику и контрразведчику надо обязательно быть женатым. Так, мол, и начальству спокойнее, да и с моральным обликом все более-менее сразу ясно и понятно – мол, нормальный, без отклонений. Ну, в общем, погорячился в тот год Николай да и женился по молодости и по глупости по простой схеме: мол, медсестричка, да с большой грудью, – то, что офицеру в самый раз! Жить у родителей Николая в Запорожье молодая жена отказалась. А тут еще эта «крытка» на полтора года в Таллинской школе – хорошая проверочка на семейную прочность. В общем, как только Коля погоны старлея получил, так сразу и развелся. Правда, справедливости ради следует отметить, времена уже были иные, и на такие факты биографии, как развод, в «конторе» стали смотреть более терпимо, чем при Андропове, но тем не менее вместо теплого местечка где-нибудь в резидентуре типа Венгрии или Болгарии Колю направили в Киев. И не в контрразведку, а в первое управление. В наружку. С таким, мол, экстерьером только в парадном строю! При выносе знамени. Однако хоть и говорят, мол, «какой хохол, да без лычки», но нет настоящего офицера-силовика, что не понюхал бы порошу. Случалось Николаю проверить свой характер и под пулями. Памятуя его пограничное прошлое, после вывода контингента из Афганистана

«контора» послала Николая в годичную командировку «на укрепление таджикско-афганской границы», чтобы перекрыть наркотрафик. Там пришлось и несколько раз ходить в сопредельные горы, там пришлось и настоящих «языков» брать, и в рукопашной схватке себя показать.

А потом, когда в бандитские времена развала Союза пошла у руководителей мода держаться за спиной широкоплечих парней, Николай без работы не остался. Майора получал при Кривчуке, подполковника при Кушме, когда тот был еще преьером, а полковника получал уже состоя при Янушевиче. И это в тридцать восемь лет! Неплохо?

– Так, что там за шум вчера был в Жулянах? – спросил Янушевич, устраиваясь в кресле за своим рабочим столом.

– Вчера бортом из Кандагара в аэропорт Жуляны прибыл «груз-200», и при выезде из аэропорта колонна была остановлена журналистами.

– А какой дурак распорядился сажать самолет в Жулянах? – издевательски исподлобья поглядев на Козака, спросил Янушевич. – Вы бы еще в Борисполь этот транспорт посадили да стали бы разгружать в международном терминале, где туристы и прочая сволочь.

– Меры приняты, следующий борт направляем на военный аэродром «Коломыя» под Ивано-Франковском, – бесстрастно ответил Козак.

– Почему все такие идиоты? – изобразив беспомощность и разочарование, патетически воскликнул Янушевич. – Почему сразу нельзя было посадить борт в Луцке? Ну, да, конечно, – досадливо махнув рукой, буркнул Янушевич, – так давай, запорожец, не облажайся и не обосрись в следующий раз, когда трупы из Афгана принимать будешь, сам понимаешь...

– А может, наоборот? – заговорщицки качнув головой, спросил Козак.

– Что наоборот? – не понял Янушевич.

– Может, как раз наоборот, следовало бы дать утечку информации?

В кабинете воцарилось молчание.

Янушевич задумался, глядя в стол, а Козак все так же стоял в позе покорного ожидания и повиновения, как римский солдат из тринадцатого легиона при входе в шатер консула Красса.

– А зачем нам утечка? – подняв глаза со стола на Козака, нарушил молчание Янушевич.

– Скомпрометируем кое-кого, Виктор Федорович, переведем стрелки, а вы, как всегда, во всем белом среди этого дерьма, – с тонкой улыбкой ответил Козак.

– Не пойдет, – коротко ответил Янушевич.

Козаку очень хотелось задать вопрос «почему не пойдет?», но он сдержался и только молча кивнул.

– Ты меня понял? – твердо и холодно глядя в лицо своему советнику, спросил Янушевич.

– Отлично вас понял, Виктор Федорович, – так же твердо ответил Козак, – никаких проколов и никакой утечки.

– Ну, иди тогда, – вздохнув, сказал Янушевич.

– Есть еще один вопрос, – вскинув подбородок, пробасил Козак, – там одна очень авторитетная московская журналистка просит у вас интервью.

– А почему не через моего пресс-секретаря, а через тебя? – иронически склонив голову набок, спросил Янушевич. – У тебя что? Червонный интерес? Или ты коммиссионные с журналисток берешь, а?

Козак виновато улыбнулся:

– Она на меня напрямую, минуя наших пиарщиков, вышла, но я проверял, хорошая, правильная журналистка, дряни не напишет.

– Наша и правильная, говоришь, – усмехнулся Янушевич, – ну, давай тогда, если так, в пятницу, посмотри там в расписание, может, после ужина, ты погляди.

– Хорошо, Виктор Федорович, – довольно сказал Козак, задом уже отходя к дверям.

С Аллой Лисовской Николай познакомился в Отделе связей с общественностью Дома правительства Украины. Через Николая как главного советника по безопасности все аккредитации проходили. Ну, принесли ему на визирование новую пачку журналистских резюме, а там фотографии шесть на восемь цветные. Глядит Николай на самое первое резюме, а с фото на него весело смотрит такая улыбчивая и такая задорная дивчина, что дрогнуло сердце запорожца, лично решил с девушкой побеседовать. В резюме и телефончик имелся. Позвонил... Забил стрелочку, пользуясь своим служебным положением, так сказать. Ему же, как советнику премьер-министра, треба увсе выяснить – кто и с кем, кто, где, когда?

– Это Алла? Это Николай... Я договорился, будет интервью.

– Правда? – обрадовалась телефонная визави.

– Правда! – улыбнулся в трубку Николай. – Когда увидимся?

– Можно завтра, в том же самом кафе на Крещатике, где первый раз, ладно?

* * *

– *Пральна пороша «Арель» відпирають сто процентів всіх найскладніших забруднень!*⁷

– *Агентство «Регнум» повідомляє, що Парламент України можливо ратифікує угоду про Єдине економічне простір з Росією, Білорусією і Казахстаном.*

Алла была девушкой непростой.

Поди-ка ты, поступи на журфак МГУ без протекции, без денег да без репетиторов! А вот Алла Лисовская взяла да и поступила. Причем наперекор родителям, которые еще в раннем ее – Аллочки – детстве решили, что их девочка будет доктором-дантистом, как папа и как дядя Сева. Аллочку поэтому на все детские карнавалы наряжали «доктором Айболитом» и заставляли с табуретки читать нравственные стишки про гигиену полости рта и про пользу ежедневного ухода за зубками. Впрочем, Аллочка и взаправду до десятого класса готовилась во второй мед на стоматологию, напирая на химию и биологию как на профилирующие предметы в этот вуз, но в одиннадцатом классе Алла познакомилась с молодым человеком, который однажды привел ее в редакцию крупной новостной радиостанции, показал студию прямого вещания и даже договорился со звукорежиссерами, чтобы Аллочкиным голосом был сделан один из рекламных роликов... Ну... Тут голова у девочки и закружилась. И тут у Аллочки прорезался характер. Увлечшись, влюбившись в молодого и талантливого репортера, она не только ушла из дома, но и, разделяя жизнь и увлеченность предмета своей страсти, решила тоже стать журналистом.

Несмотря на частые прогулы, вызванные встрясками в ее личной жизни, Аллочка окончила школу просто блестяще. Без блата поступила на дневное отделение журфака МГУ, да и потом уже со второго курса стала работать в штате радиостанции «Маяк». А когда рассталась со своим молодым человеком, так глубоко пережив душевную рану, что даже едва в больницу с язвой желудка не слегла, бросила работу на радио, перевелась на заочное отделение и с головой ушла в газетную журналистику. Да с таким успехом, что уже через год ее заметили и пригласили в... НУ ОЧЕНЬ КРУПНОЕ УВАЖАЕМОЕ ИЗДАНИЕ, а еще через год Алла вошла в элитный пул журналистов и отныне могла себе позволить многое. Темы

⁷ Стиральный порошок «Арель» удаляет сто процентов всех загрязнений.

для заметок она выбирала сама, без санкций шефа встречалась с министрами и олигархами, в командировки летала только туда, куда сама хотела, а не куда пошлют. Но в этот раз шеф-редактор настойчиво попросил заняться украинской политикой, которой Алла никогда не интересовалась.

– Понимаешь, Аллочка, осенью на Украине выборы. У нас затишье, а там все новости. Ну кто еще напишет как следует, если не ты? Там сейчас такое начнется. Янушевич и «донецкая группировка» купили Верховную раду, и те проголосовали за Янушевича как за премьера. Он, видимо, и пойдет в президенты от власти. А ведь годы назад выборы в самую Верховную Раду выиграл Ищенко – тоже бывший премьер, но уволенный Кушмой. На Ищенко ставят американцы. Плюс там есть еще бойкая дивчина – Юлия Тимошенко, тоже пойдет в президенты, может быть.

– Что я, репортер горячих точек, что ли? – уже почти сдаваясь, отбивалась Алла. – Я привыкла масштабные темы брать, проблемные.

– А ты возьми... ну, вот, например, украинский «голодомор» – чем не тема? Много об этом говорят, был он или не был. Разберись. Может, книгу напишешь!

– Да какая там книга! И кому она сейчас нужна! – махнула рукой Алла. – Единственно, говорят, Киев – красивый город, а я ни разу не была.

– Очень красивый, езжай посмотри, не пожалеешь! На вот телефон Глеба Повлонского, он будет работать от России по Украине. Встреться с ним, он тебя введет в политическую ситуацию...

* * *

Дитяче харчування «Малюк» це повна компенсація за відсутності жіночого материнського молока».⁸

– Из достоверных источников стало известно, что на конкурсе «Евровидение» в Стамбуле в мае 2004 года Украину будет представлять украинская певица Руслана (Лыжичко) с песней «Дикие танцы» («Wild Dances»), – сообщает газета «Час».

Глеб Повлонский, известный российский политолог, заложив руки за спину, мерил шагами свой просторный директорский кабинет в «Фонде политической эффективности». Лекция об истории Украины, единственным слушателем которой была Алла Лисовская, началась с неожиданного заявления:

– Начать нужно с государства «Украина» и нации «украинец». Пожалуй, это самый масштабный искусственный проект в истории по расколу одного народа и формированию с чистого листа целой новой «нации». Это технология «nation-building» – нацистроительство. Современные «украинские историки» возводят украинский род к праотцам. Так, например, на полном серьезе доктора исторических наук пишут статьи о том, что украинцы основали Иерусалим, доказывают, что «Илиада» Гомера написана на древнеукраинском.

Алла едва подавила усмешку.

– Основоположником этого тотального фальсификаторства истории был Грушевский, к фигуре которого мы еще вернемся. Именно он проделал нехитрый фокус: все названия «русский» во всех исторических документах переименовал на «украинский», и, таким образом, история Украины сразу же началась со времен истории Руси.

Алла решила уточнить:

⁸ Детское питание «Малыш» – это полная компенсация при пропадании материнского молока.

– То есть он вместо «русский князь Владимир», например, писал: «украинский князь Владимир»?

– Совершенно верно! Ну, а современные ученики Грушевского пошли еще дальше, теперь в «украинцы» записывают вообще любые народы, начиная с возникновения первого человека. Помнится, в СССР официальные документы съездов КПСС провозглашали, что «в СССР возникла новая общность – «советский народ». Но никто не додумался исправить все энциклопедии, словари, учебники, документы. А что? Писали бы, например, не «русская церковь двенадцатого века», а «советская церковь двенадцатого века», не «развалины армянской крепости шестого века», а «развалины советской крепости шестого века», не «стоянка древнего человека третьего тысячелетия до н. э.», а «стоянка советского человека третьего тысячелетия до н. э.»... Советские историки не додумались, а украинские для себя сделали...

– Ну разве можно сравнивать? – перебила Повлонского Алла. – Ведь существуют украинцы со своим языком, государством, менталитетом, и существуют давно...

– Тут главный вопрос: насколько давно? – парировал Повлонский. – Те же самые «украинские историки» перерыли все что можно в поисках доказательств, что вот-де в тринадцатом веке в таком-то документе употреблялось слово «Украина», или вот, де, существуют карты пятнадцатого века, на которых написано слово «Украина», а значит-де, Украина, пусть не как государство, а как страна, существовала уже не одно столетие! Позвольте, но из всех этих найденных документов ясно только одно: слово «Украина» использовалось в своем прямом смысле как «окраина», «граница», причем «украинами» часто назывались самые разные границы и окраины – разные местности в Чехии, Польше. Когда данное слово, с польской легкой руки, закрепилось преимущественно за территорией теперешней Украины, то есть в шестнадцатом веке, то означало оно название местности и территории, а никак не название государства и не название народа...

Алла задумалась.

Павлонский достал с полки какую-то толстую книгу и довольно быстро открыл нужную страницу:

– Вот, Стефан Баторий пишет: «Старостам, подстаростам, державцам, князьям, панам и рыцарству, на украине русской, киевской, волынской, подольской, брацлавской, живущим», то есть живущим на всех окраинах Польши.

Алла быстро сообразила:

– То есть были территории, называемые «Урал», «Сибирь». И люди даже звались там сибиряками и уральцами, но они не считали себя «уральцами» и «сибиряками» по национальности, они были русскими! На территории нынешней Украины государства тогда никакого не было, были владения Речи Посполитой, а само население считало себя и называло себя русским.

– Правильно, – похвалил Повлонский. – Да оно и было русским населением, каким же еще! В отличие от Польши, в самой России данные территории назывались не «окраиной», а Малой Русью, позже – Малороссией, что имело смысл не «маленькая Русь», а «исконная Русь», так же как Малый Кремль детинец есть первоначальная крепость, после которой уже строился Большой Кремль.

Повлонский опять открыл ту же книгу, где была собрана дипломатическая переписка каких-то князей:

– Малороссами называли себя сами князья еще с четырнадцатого века. Галицко-Волынский князь Юрий II пишет магистру немецкого ордена Дитриху: «Божьей милостию прирожденный правитель всей Малой России». Богдан Хмельницкий в письмах русскому царю говорит о Большой и Малой Руси, а себя называет не украинским гетманом, а гетманом запорожским.

– Ну, может быть, он так хотел польстить русскому царю, отказываясь от «украинства»? – спросила Алла.

– Хорошо, допустим, но вот через несколько лет гетман Выговский возвращается в подданство Польши и подписывает «Гадячский мир». Он обращается к полякам: «Вот блудный сын возвращается к своему отцу... Примите эту землю, этот плодоносный Египет... эту отчизну воинственного и древнеславного на море и на суше народа русского!» А еще позже гетман Дорошенко, который «присоединил» Малую Русь теперь уже к Турции, на исходе своих лет, боясь гнева поляков и прося убежища у русского царя, пишет: «Да будет вам известно, православный милостивый царь, что сей российский народ, над которым я старшинствую, не хочет носить ига, которое возлагает на него Речь Посполитая...» Итак, опять «российский народ» и никаких украинцев. Надо сказать, что современные украинские историки и Хмельницкого, и Выговского, и Дорошенко числят заправскими украинскими националистами!

Алла была удивлена, а Повлонский продолжал сыпать доказательствами:

– Когда в восемнадцатом веке какой-то польский анонимный писак, решивший отомстить Российской империи за раздел Польши, впервые стал доказывать, что на территории Малой Руси и Большой России живут разные народы, он не придумал ничего лучше, как назвать настоящими «русскими» именно малороссов! Книга называлась «История Руссов». Если бы в ходу было название «украинец», разве бы не воспользовался этим анонимный ненавистник России? Нет, он, наоборот, доказывает, что малороссы есть «природные руссы», и поет славу Мазепе как настоящему русскому патриоту.

– Обалдеть можно! – искренне сказала Алла.

Повлонскому же понравилось восхищать эрудицией красивую девушку, и он продолжал:

– Вообще, я не буду сейчас даже трогать так называемую Восточную Украину, я приведу факты из истории Украины Западной, которая практически со времен монгольского нашествия была в составе других государств, а не России. Но даже там, далеко-далеко, люди вплоть до девятнадцатого века считали себя русскими, называли себя русскими и боролись за то, чтобы оставаться русскими. Так называемые «украинцы» появились там лишь в последней четверти девятнадцатого века, чуть более ста лет назад.

– Ста лет назад? – присвистнула Алла.

– Закарпатская Русь еще в тринадцатом веке была окончательно захвачена Венгрией, Галиция после войн четырнадцатого века отошла к Польше, а Буковина после упадка Киевской Руси была то под властью Венгрии и Польши, то под властью Турции, точнее, вассальной ей Молдавии, пока не была аннексирована Австрией в восемнадцатом веке.

– То есть к России западноукраинские земли уже не относятся восемьсот лет, а люди там считали себя русскими? – уточнила Алла.

– Да, и более того, они не просто считают себя русскими, а активно сопротивляются превращению в нерусских! В шестнадцатом веке на западенщине, во Львове, в знак сопротивления ополячиванию возникли православные братства, и Львов стал центром русского сопротивления.

– Львов? Центр русского сопротивления? Там же одни бандеровцы сейчас! – воскликнула Алла.

– Это сейчас, а тогда, когда Галиция перешла к Австрии, австрийцы поначалу даже поддерживали антипольские настроения русских, была создана «Русская коллегия» во Львове. Заметим, почему-то именно русская, а не украинская. Во время антинаполеоновских походов, встречаясь с русскими солдатами и отлично понимая друг друга, присутствуя на богослужениях, совершаемых полковыми русскими священниками в их церквах, галичане убеждались, что Русь едина, и в них усилилось тяготение к России. И в настроениях Галицкой

Руси, только что пробудившейся национально, появился новый мотив – русофильство и надежда на воссоединение с Россией в будущем. Во времена польского восстания русская Галиция заняла враждебную позицию по отношению к полякам – своим бывшим угнетателям.

– С ума сойти! – продолжала удивляться Алла.

– В 1837 году, – продолжал Повлонский, – выходит сборник «Русалка Днестровская», где издатель Шашкевич пишет: «Вырвешь мне сердце и очи мне вырвешь, но не возьмешь моей любви и веры не возьмешь; ибо русское мое сердце и вера – русская». В 1848 году была создана во Львове «Главная Руськая Рада».

– Почему не «украинская»?

– Потому что люди во Львове считали себя русскими! Эта политическая организация выступает с требованиями к властям. И какое главное требование, по-вашему?

– Не знаю! – честно призналась Алла.

– Введение преподавания на «руськом» языке как в народных школах, так и в гимназиях, а также открытие соответствующих кафедр при Львовском университете и свобода печати на родном языке.

– Почему не на «украинском»?

– Да я же вам объясняю! Не знали еще люди, что есть, оказывается, такой язык... Тут «украинские историки» заявляют, что-де, имелся в виду, конечно, язык украинский, который по ошибке называли «русьским». Но это неправда. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с печатными изданиями, вышедшими в Галиции в конце сороковых и в начале пятидесятых годов прошлого столетия. Например, орган «Главной Руськой Рады» – «Заря Галицкая» без словарей и переводчиков понятен каждому знающему русский язык, хотя и имеет незначительное количество диалектных слов.

– Может, какая-то кучка интеллигентов и выступала от имени русских, но основной народ не считал себя русским? – Алла все еще была настроена скептически.

– Вот факты: кроме «Главной Руськой Рады», было образовано сорок пять ей подчиненных «Руських Рад» в разных городах и местечках. Состояли они из тридцати членов, как и Главная Рада, и занимались всеми вопросами жизни и быта населения: народное просвещение, финансы, социальные вопросы, вопросы улучшения сельского хозяйства. Периодически собирались многочисленные собрания в несколько сот человек. Под петицией австрийскому императору было собрано двести тысяч подписей. Поляк, граф Голуховский, наместник Галиции, приказал ввести вместо кириллицы латинский алфавит. Это распоряжение вызвало такой единодушный отпор, что не смогло быть проведено в жизнь и только еще более усилило прорусские настроения.

– Ничего себе! Столько подписей и сейчас-то собрать не просто, – оценила факт Алла.

– В 1865 году ведущая газета Галичины «Слово» открыто выступила с формулировкой политических настроений Галицкой Руси. Она писала, что галицкие «русины» и великороссы – один народ, а язык «русинов» – незначительное отклонение от русского языка и отличается от него только выговором; от Карпат и до Камчатки существует только один русский народ и готовый русский литературный язык. В отчетах Галицкого сейма и Венского парламента группа депутатов-галичан – всегда называемая «русьскими» или «русьинами», но никогда «украинцами».

– Я правильно поняла, – переспросила Алла, – что до середины девятнадцатого века Западная Украина – это центр русского патриотизма?

– Да, – быстро ответил Повлонский. – Все это стало беспокоить австрийское правительство, и оно начинает методично создавать теорию, согласно которой существуют отдельные от России «украинцы» как особый народ. Появляются сначала политики, которые высказывают это мнение, а потом и литераторы и историки.

Павлонский очень быстро листал страницы книг, которые он доставал с полки и, закончив цитировать, небрежно бросал на стол. Скоро у него скопилась гора пожелтевших от времени томов, но политолог разошелся не на шутку:

– Вот, пожалуй, день рождения «украинства». 25 ноября 1890 года в Галицком сейме представитель «Русского клуба» Юлиан Романчук, учитель «русской» гимназии во Львове, с другим депутатом, Вахнянином, тоже учителем «русской» гимназии, выступили с заявлением, что народ Галицкой Руси не имеет ничего общего с остальной Русью и великороссами. Они были куплены австрийцами.

– Где доказательства, что они куплены были? Может, это было их искреннее мнение?

– Вот доказательства: Анатолий Вахнянин в свое время написал и переложил на музыку патриотическую песнь пробужденной Галицкой Руси, которая начиналась словами: «Ура, на бой, орлы! За нашу Русь святую, ура!», теперь вдруг стал «украинцем».

– Да, действительно, кажется, как-то «вдруг».

– Я выступал на одной конференции в Киеве и спрашиваю по поводу этого факта: «Господа «украинские историки»! Если от веку там жили украинцы, да и существуют какие-то карты «украины» шестнадцатого века и летописи, в которых употреблялось слово «Украина» в четырнадцатом веке, то с чего вдруг всего лишь более ста лет назад политики совершают такие демарши? За что они борются, если кругом одна Украина и одни украинцы? Кому они что-то доказывают?»

– И что вам ответили?

– Ничего! Сказали, что я русский империалист, националист, мерзавец.

– А как отреагировали на заявления этого Вахнянина простые люди в то время? Поддержали?

– Ха! Во Львове собрался грандиозный митинг, на котором шесть тысяч представителей сел и городов Галицкой Руси единогласно осудили выступление Романчука и Вахнянина.

– Эта цифра и по нынешним меркам не слабая, – согласилась Алла, – а тогда, в условиях гонений со стороны власти и при меньшем населении, совершенно очевидно, это был *vox populi*.

– В результате второй подписант, Романчук, рвет с правительством, переходит в оппозицию и ищет сотрудничества с москвофилами.

– А что делала Австрия, раз ее идея не удалась?

– Что делала Австрия? Выделяла деньги! – Повлонский похлопал себя по внутреннему карману, где, видимо, лежал кошелек. – Австрия создает организации «Сечь», «Сокол» и «Пласт» и раскалывает русское движение по политическому принципу. Среди русских появляются не только, собственно, религиозные консерваторы, но и социалисты и демократы, которые противостоят друг другу. На выборах 1907 года были проведены прямые и тайные выборы в Рейхстаг. При всем сопротивлении правительства русские избрали тридцать два депутата и организовали в Парламенте Австрии «Русский парламентский клуб». Даже те, кто называл уже себя украинцем, входят в этот клуб. Слово «украинец» еще не прижилось!

– И это в 1907 году! Фантастика! Всего почти сто лет назад...

– При этом сторонников Австрии и антироссийски настроенных русских было в этом клубе большинство! На выборах 1908 года позиции москвофилов даже усилились, что, естественно, привело к тому, что финансирование «украинских» организаций возросло.

– Но, может быть, русофильство насаждали из России? – робко спросила Алла. – Может, мы тоже своих подкармливали финансово?

– Нет. Только в 1911 году прозвучал с трибуны Государственной думы голос, обращающий внимание на происходящее в Галиции. Депутат Бобринский, возвращаясь со Славянского съезда в Праге, на котором были и делегаты от Галиции, задержался там и был

свидетелем ожесточенной предвыборной борьбы в Галиции и той стойкости, с которой «москвофилы» боролись за идею единства Руси.

Павлонский опять взял какую-то книгу и процитировал неведомого Бобринского:

– «Я не знал, что за границей существует настоящая Русь, живущая в неописуемом угнетении, тут же, под боком своей сестры – Великой России. Как любить Русь и бороться за нее надо всем, нам поучиться у галичан», – сказал в Думе Бобринский.

– Ну и что, наши им помогли?

– Нет. Все его попытки организовать широкую помощь этой угнетенной Руси не дали больших результатов. Зато австрийцы исправно платили всем, кто отказывался называться «русским» и переименовывался «украинцем». А когда началась Первая мировая, в дело пошли не только деньги, но и штыки с виселицами. Руки у австрийцев и их пособников были развязаны. Пропагандистская обработка и украинизация населения дошли до крайности: всякий, кто называл себя русским, должен был умереть или стать «украинцем». Русских вешали, расстреливали, отвозили в концлагеря. Это был первый в новейшей истории геноцид. Солдаты – австрийцы и румыны носили в ранцах петли, чтобы скорее вершить свое дело, каждому, кто донес на москвофила, выплачивали премию в несколько сот крон. В концлагерях Терезин и Телергоф десятками тысяч умирали русские. Поначалу там даже не было барачков, люди умирали на земле от холода, заражались тифом.

– Почему об этом никто не знает? – удивленно вскинула брови Алла. – Есть вообще какие-то факты, доказательства?

Павлонский достал еще одну брошюру:

– Автор – Ваврик, сам узник лагеря, написал в 1928 году страшный мортиролог: «В деревне Волощине мадьяры привязали веревкою к пушке крестьянина Ивана Терлецкого и поволокли его по дороге с собою. Они захлебывались от хохота и радости, как тело русского поселянина билось об острые камни и твердую землю и кровавилось густою кровью. В деревне Буковине того же уезда мадьярские гусары расстреляли без суда и допроса пятидесятилетнего крестьянина Михаила Кота, отца шестерых детей. А какая нечеловеческая и немилосердная месть творилась в селе Цуневе Городоского уезда! Там арестовали австрийские вояки шестьдесят крестьян и восемьдесят женщин с детьми, мужчин отделили от жен и поставили их у деревьев. Солдат-румын забрасывал им петлю на шею и вешал одного за другим. После нескольких минут прочие солдаты снимали тела и еще некоторых живых доклевывали штыками. Матери, жены и дети были свидетелями этой дикой расправы. Можно ли передать словами их отчаяние? Нет, на это нет слов и силы!» Таких перечислений десятки страниц. Вот так из русских делали «украинцев».

Алла потрясенно молчала. Но через минуту все же задала очевидный вопрос:

– А что говорят украинские историки?

– Украинские историки и сейчас цинично пытаются представить все происходившее как борьбу австрийцев против украинцев! Дескать, в Телергофе убивали не русских, а украинцев...

– Ну это же безбожно! Этого не может быть! – воскликнула Алла.

– Послушали бы лучше эти историки собственный пропагандистский фольклор:

Українці пють, гуляють,
А кацапи вже конають.
Українці пють на гофі,
А кацапи в Талергофі.

Павлонский захлопнул книгу и пристально посмотрел на потрясенную Аллу:

– Оценки историков разнятся. Самые скромные подсчеты говорят о том, что в результате террора погибли восемьдесят тысяч. Еще не менее ста тысяч стали беженцами. Другие данные говорят даже о двухстах тысячах убитых, повешенных, умерших от болезней в лагерях. При этом украинские историки, которые утверждают, что это был «геноцид украинцев со стороны австрийцев», почему-то склонны цифры занижать. Хотя, казалось бы, какой повод прокричать на весь мир про очередной «голодомор» и геноцид и потребовать с австрийцев компенсации! Нет, боятся ворошить эту тему, боятся обнародовать факты, что главными вешателями русских и доносчиками были именно новые, свежееиспеченные австрийцами «украинцы». Немудрено, что украинские историки так скупы на претензии к австрийцам.

– Подонки...

– Сам основоположник «украинской истории» Грушевский целиком и полностью находился у австрийцев на содержании и выполнял заказ. В начале 1891 года профессор Антонович вернулся из подвластной австрийцам Галиции и привез сенсационную новость – во Львове австрийцы планируют открыть императорскую королевскую кафедру истории Украины. Отправляться туда лично старый хитрец не захотел. Менять Киев на Львов и сейчас найдется немного охотников. А тогда на переезд из стремительно развивающейся «матери городов русских» в маленькое провинциальное местечко мог отважиться только такой ничемный ученый, как Грушевский.

– Это его портрет сейчас печатают на украинских деньгах? – уточнила Алла.

– Да, но этот главный «украинец всех времен и народов», по его же собственному признанию, не владел даже тем самым «украинским языком», над его попытками писать на мове смеются даже сами украинцы. Но вскоре из Львова одно за другим посыпались научные «открытия». Российский подданный Грушевский неожиданно открыл «украинские племена» и «украинских князей». Причем открыл в те времена, когда ни украинцев, ни русских, ни даже австрийцев еще и на свете не существовало. Через несколько лет Грушевский, кроме недописанной «Истории Украины – Руси», обладал на территории Австро-Венгрии усадьбой в закарпатской Криворовне, виллой во Львове на Понинского, 6, а в России – огромным доходным домом в Киеве, на углу улиц Паньковской и Никольско-Ботанической. Во дворе этой шестизэтажной громадины находился еще и двухэтажный «флигелек» размером с вполне приличный особняк. Естественно, он тоже принадлежал оборотистому «историку». Никакого профессорского жалованья не хватило бы на строительство всех этих архитектурных объектов. Тем более что киевскую «штаб-квартиру» проектировал не кто иной, как Кричевский – один из самых дорогих архитекторов начала двадцатого века. Возвели ее рекордными темпами – всего за два года, почти перед самой войной – в разгар киевского строительного бума.

– То есть этот Грушевский был просто предателем России, коррумпированной сволочью...

– Он был профессиональным предателем. Потому что потом предавал и украинцев. После войны Грушевский в результате цепи непредсказуемых приключений оказался сначала в «ссылке», в Москве, потом в кресле председателя Центральной Рады – в Киеве и, наконец, снова в Австрии – в Вене, откуда неожиданно запросился домой, в окрасившуюся красным цветом советскую Украину. Грушевский запросился в советскую Украину, когда еще не успела окончиться Гражданская война. Причем в таких выражениях, которые для бывшего «батька нації», иначе как позором не назовешь. Летом 1920 года он направляет в ЦК КП(б)У письмо, в котором признает заслуги большевиков в борьбе с капитализмом и уверяет, что осознал, как и другие украинские эсеры, ошибочность стремлений изолировать Украину. Он даже подчеркивает, что отказался от поддержки националистов и принял принципы III Интернационала!

– Главный националист Украины отказался от национализма и принял принципы Интернационала?!

– Да! А чего не сделаешь, чтобы оказаться у власти и на плаву?

– Почему большевики ставили на таких, как Грушевский? – воскликнула Алла.

– Это очевидно. Все те, кто даже под страхом репрессий не отказывался от русского имени и не хотел называть себя «украинцами», были не кто иные, как поборники старой царской России, с которой большевики и боролись. Естественно, что «украинцы» оказываются союзниками большевиков. Сделка проста: большевики помогают украинизации, а «украинцы» в благодарность насаждают большевизм.

– Да, и вправду очевидно... – Алла слегка задумалась. – А что было дальше?

– Послевоенная судьба Западной и Восточной Украины различна политически, но благоприятна для украинизации и в том, и в другом случае. На Западной Украине, которая отошла Польше, тотальную украинизацию и полонизацию в тридцатые годы XX века продолжали поляки. А теперь, внимание! – Повлонский поднял вверх указательный палец. – В Галичине, отданной Польше, по переписи 1936 года в рубрике о национальности 1 196 885 человек назвали себя «русскими». «Украинцами» назвали себя 1 675 870 человек. Таков был результат после многолетней деятельности власти, направленной на поддержку «украинства».

– В условиях польской «демократии» требовалось, наверное, немало гражданского мужества назвать себя «русским»? – прервала Алла.

– Да, мужество должно было быть большим. И все равно половина населения назвала себя «русскими». И вот еще факт: в Карпатской Руси в 1937 году была проведена анкета-плебисцит о том, какой язык преподавания должен быть в школах: русский или украинский. Несмотря на нескрываемое стремление правительства Чехо-Словакии, чтобы было вынесено решение в пользу украинского языка, восемьдесят шесть процентов населения высказалось за русский язык.

– Фантастика! Половина жителей Западной Украины в условиях ненависти власти к СССР, в условиях насаждения украинства все же называют себя русскими, и подавляющее большинство высказывается за русский язык! – Алла аж подскочила со стула и заходила по кабинету, как Повлонский.

– А сегодня, – продолжал сам Повлонский, – украинские политики нам заявляют, что всего лишь четверть, а некоторые говорят и о пятнадцати процентах, населения ВСЕЙ Украины составляют русские.

– Что это за фокус? Куда делись десятки миллионов русских менее чем за сто лет и откуда вдруг на той же самой территории появилось чуть ли не тридцать миллионов «украинцев»? – спросила Алла и сама же уже догадалась, каков должен быть правильный ответ.

– Ответ очевиден: это одни и те же люди и потомки этих людей, в чьи паспорта было внесено соответствующее изменение. Был «русский» – записали «украинец».

– А что было на Востоке?

– На Восточной Украине украинизация шла с неменьшим остервенением, чем на Западной, под пятой Польши.

Повлонский опять полез в какой-то справочник, нашел нужную страницу и торжествующе посмотрел на Аллу:

– По национальному признаку тогда комплектовались партийные органы. Если в 1925 году соотношение украинцев и русских в КП(б)У составляло 36,9 процента на 43,4 процента, в 1930 году – 52,9 процента на 29,3 процента, то уже в 1933 году – 60 процентов украинцев на 23 процента русских!

– Ничего себе темпы!

– Кроме того, насаждался украинский язык. Если в 1930 году 68,8 процента газет на Украине выпускались советскими органами на украинском языке, то в 1932 году их было уже 87,5 процента; в русскоязычном Донбассе к 1934 году на русском языке из тридцати шести местных газет выходило уже только две! В 1925—1926 годы из всех книг, изданных на Украине, 45,8 процента вышло на украинском, а уже в 1932 году эта цифра составила 76,9 процента.

– Может быть, народу были понятнее книги на своем диалекте?

– Никаким «требованием рынка» объяснить это невозможно: книгоиздание было в то время сугубо партийной, политической сферой. С особой настойчивостью решался вопрос украинизации образовательных учреждений. В том же Донбассе до революции было семь украинских школ. В 1923 году Наркомпрос Украины приказал в течение трех лет украинизировать шестьсот восемьдесят школ региона. На 1 декабря 1932 года из двух тысяч двухсот тридцати девяти школ Донбасса тысяча семьсот шестьдесят (или 78,6 процента) были украинскими, еще двести семь (9,2 процента) – смешанными русско-украинскими. К 1933 году закрылись последние русскоязычные педагогические техникумы. В 1933 учебном году в русскоязычной Макеевке не осталось ни одного, слышите, Алла, русскоязычного класса в начальной школе!

– Я еду на Украину с заданием от редактора заняться темой «голодомора», который был как раз в это время. Сегодня украинское правительство много говорит о «голодоморе» как геноциде украинского народа. Дескать, Москва душила именно украинцев. Теперь, после ваших слов, у меня остается только одно недоумение: что же это за странная была такая Москва? Одной рукой она перековывала русских в украинцев, а другой рукой украинцев морила голодом?

Повлонский резко ответил:

– Если и был геноцид на Украине в тридцатые годы, то геноцид по отношению к русским! Украинизация продолжалась весь советский период.

– Получается, мы сами, Москва и советская власть, создали себе же на голову этих украинцев из части единого своего же народа? – грустно подытожила Алла.

– Поляки, австрийцы и большевики и есть подлинные создатели украинской нации, создатели нации не на ровном месте, а путем превращения большей части русских в «украинцев». Последнее время дело австрийцев, поляков и большевиков продолжали Кушма и Ищенко, но теперь уже на деньги американские. Миллионам жителей государства «Украина» объясняют, что они неполноценные, что они, оказывается, «забыли родной язык и свои корни»! Ха-ха! Но кто и когда прослеживал эти корни? Известен такой факт. После завоевания Новороссии Екатериной Второй эта территория была заселена огромным количеством выходцев из центральной и северной России: Архангельской, Орловской, Смоленской областей. Почему? Да потому, что на месте Новороссии было так называемое Дикое поле. Пятьсот лет татары опустошали эту землю, угоняли в полон женщин и детей и убивали мужчин. Никто не хотел селиться в этих землях. И вот теперь потомкам русских, которых пригнали из России в Николаев, Одессу, Херсон, нынешний Донбасс, говорят, что они-де «украинцы, забывшие свои корни», «несвидомые», их заставляют чувствовать свою ущербность и недоделанность. А на самом деле их украинцами-то записали максимум одно-два поколения назад! Какую «ридну мову» они якобы забыли? Разве что русскую, которую из них выколачивали в насаждаемых украинских школах...

Из кабинета Повлонского Алла вышла потрясенная. В ее голову так до сих пор и не вмещалась мысль: «Как это, сто лет назад не было никаких украинцев, а сейчас многомиллионная нация...»

Но уже в первый же день ее пребывания в Киеве от тяжелых исторических мыслей не осталось и следа. Красивый офицер из службы безопасности премьера так посмотрел на

нее во время собеседования, что этот взгляд стал единственным, что занимало ее мысли и чувства на все последующие дни.

Глава четвертая Январь 2004 г.

Прекрасний відпочинок на Гавайських островах через агентство «Райські Куци». Відпочивай красиво. Ти на це заслужив.⁹

– На саммиті НАТО в Стамбулі, який состоится в лютому 2004 року, Україна розраховує отримати запрошення на вступлення в Альянс, – повідомляє агентство «Новий регіон».

Враги и завистники называли Джона Хербста везунчиком. Надо же! В самом расцвете лет рухнул СССР, и Госдепартамент США был расширен чуть ли не в полтора раза: прибавилось пятнадцать новых дипмиссий с полным штатом, да и вообще работы у янки в мире прибавилось. Сорокалетний в то время Хербст получил почетный ранг министра-консула и вошел в элиту Госдепартамента США, на что дипломаты в прежние времена могли рассчитывать годам к пятидесяти. Крупнейший специалист по советскому пространству и арабскому миру, отец пятерых детей, молод, здоров, богат и облечен властью, Хербст и впрямь казался баловнем судьбы, везунчиком, родившимся в рубашке. И только сам Джон знал, что за всей удачной карьерой лежал четкий стратегический расчет, жизненный план, созревший в детстве у его отца и реализованный Хербстом с ювелирной точностью. Отец Джона – Эдвард Хербст был человеком консервативного протестантского воспитания, он принадлежал к той же методистской церкви, что и президент США, Джордж Буш. Когда Джон окончил школу, то перед ним не стоял вопрос о выборе профессии – выбор сделал жесткий отец: «Послушай, Джон, что скажет тебе твой родитель! – помпезно, как всегда, начал старик. – Ты прекрасно учился, и я думаю, будет глупо, если твои усилия пропадут даром, что может случиться, если ты свяжешь свою жизнь с каким-то рискованным предприятием. Бизнесом занимаются дураки, сынок. Им нравится плясать под дудку рынка... Я же определил для тебя судьбу, которая позволит тебе играть на дудке, под которую пляшут остальные. Как бы ни повернулся мир, есть профессия, нужная всегда, не зависящая ни от какой конъюнктуры и при этом весьма высокооплачиваемая. Я говорю о профессии дипломата. Дипломаты правят миром, сынок, именно с их легкой руки развязываются войны, заключаются договоры, вершится мировая политика. Дипломаты знают все тайны, узнать которые мечтают и миллиардеры, и журналисты... Ты будешь учиться в Джорджтауне. Это университет, который мне по средствам, и при этом там можно стать бакалавром по дипломатии. Никогда не складывай яйца в одну корзину, Джон. Там во время учебы ты займешься самыми перспективными направлениями в дипломатии: русским и арабским. И русские, и арабы контролируют мировую нефть, мировую энергию. Ты видишь, что у нашей страны с ними жесткое противостояние. Оно будет только нарастать. Следовательно, стране потребуется много умных парней вроде тебя. Ты будешь учить и русский, и арабский. Если ты все сделаешь правильно и я смогу гордиться тобой, я оплачу тебе магистратуру в университете получше».

Все пошло именно так, как и назначил отец, с небольшим, но, правда, счастливым сбоем. Арабский язык преподавали в университете, а вот по русскому пришлось нанимать репетитора. Им оказалась красивая русская по имени Наталья – внучка какого-то купца, уехавшего в Америку после революции. Сначала Джон стал встречаться с ней, чтобы совместить приятное с полезным. Русская в постели была во всех отношениях лучше американок, которые были у Джона ранее, да и плату за уроки любовнице можно было не платить

⁹ Прекрасный отдых на Гавайских островах через агентство «Райские Куци». Отдыхай красиво. Ты это заслужил!

– существенная экономия. Однако позже Джон прикинул, что домашняя Наташа, желающая детей, не озабоченная карьерой и политикой, как его соотечественницы, будет идеальной женой. Отец согласился с его доводами, тем более что Наталья не имела религиозного воспитания и готова была венчаться по протестантскому обряду... Магистратуру отец оплатил, как и обещал, во Флетчеровской школе и Университете Джона Хопкинса. Именно там он получил настоящую подготовку по новой методике работы, которая еще только появилась в американской дипломатии. Первая же лекция, ее читал не старый седой шестидесятилетний профессор, как в Джорджтауне, а молодежавый забияка из Госдепартамента, поразила его: «Основная работа дипломата в современном мире – это разведка, – начал лектор, – мы получаем все секретные данные от наших людей по всему миру, и мы влияем на решения, принимаемые в других странах с помощью купленных нами людей. У кого же лучшая разведка в мире? – вдруг спросил лектор и тут же ответил: – У русских. Они выиграли войну, потому что Сталин с помощью Кембриджской четверки знал все, что знала разведка США и Англии, вместе взятые, у него сидели люди в вермахте на лучших постах. Русские проникли в Манхэттенский проект, они украли секрет атомной бомбы и тем самым стали второй сверхдержавой на планете... В интересах русских работают сотни людей в развивающихся странах на самых высоких постах. Прежний мир трещит по швам, везде кипят антиамериканские движения. Кто в мире лучший в области контрразведки? Опять же русские! Если ты лучше всех умеешь вербовать шпионов, то ты, естественно, имеешь передовой опыт в вопросах того, как этому противостоять. Мы не можем внедрить к русским людей в достаточном количестве, чтобы влиять на их политику, мы не можем подсадить их на крючок и манипулировать ими. Все проамериканские режимы в развивающихся странах держатся на диктатуре и на наших военных возможностях. Мы отстали от русских в этой области навсегда. – И тут лектор, нагнавший жути перед русскими и дошедший до кульминации, резко направил дело к хеппи-энду: – Поэтому мы не будем пытаться догонять тех, кто уже далеко впереди, мы не будем ломиться в закрытую дверь. Мы будем действовать иначе. Нам не нужны единичные сторонники в органах государственной власти, в силовых структурах и прочее. Нам нужны множественные «агенты влияния» среди обычных людей, лучше – среди интеллигенции. Вы спросите: зачем они нужны, они не знают никаких секретов, ни на что не влияют? А я отвечу: если их будет много, то они меняют общество, а государственная власть не может быть оторванной от общества в целом. Все, чему вас учили раньше, забудьте! Вся эта работа с индивидуальными агентами, все эти тайные встречи, пароли, конспирация – все это старье, которое скоро нужно будет выбросить на помойку. Пусть этим занимаются русские. Пока они здесь у нас вербуют отдельных генералов, мы у них там завербуем миллионы рядовых! Не завербуем, а обработаем так, что они и сами знать об этом не будут. Русские ставят на шпионов, мы отныне ставим на «агентов влияния». Это совершенно иной подход. «Агент влияния» не знает, что он агент, он думает, что он действует свободно, тогда как именно мы исподволь подталкиваем его к нужному нам выбору. Мы делаем это за счет того, что контролируем информацию в его сознании. Итак, вы должны учиться новым компетенциям, вы должны учиться организовывать новые информационные потоки для больших масс народа, чтобы власти этой страны не могли их никак перекрыть, вы должны уметь создавать диссидентские движения, вы должны создавать пропаганду, которая так ненавязчива, что выглядит не как пропаганда. Только так мы победим!»

Лекция была прочитана Джорджем Шульцем, который в 1982 году при Рейгане занял пост госсекретаря, и вместе они за несколько лет, по сути, прикончили СССР. А тогда, в конце семидесятых, когда Америка была в жесточайшем энергетическом кризисе, когда отец рыл под домом «бомбоубежище от русских атомных ракет», когда русские запускали спутники и орбитальные станции в пять раз чаще, чем американцы, – все это казалось фантастикой. Главную ошибку русские сделали в Афганистане: вместо того чтобы работать мяг-

кими методами, устроили вторжение. Это дало возможность повернуть арабский мир лицом к США и даже убедить шейхов резко снизить цены на нефть. Такой демпинг в середине восьмидесятых опустошил казну Советов, страна столкнулась с дефицитом, и тут уж сдетонировали заранее заложенные бомбы: польская «Солидарность», диссидентские движения. Во всем этом Хербст принимал участие в качестве менеджера среднего звена. Например, в Эр-Рияде он готовил секретные протоколы между США и саудитами о нефтяном демпинге, который положил на лопатки Советы. Три года из Иерусалима, будучи генеральным консулом, он координировал работу по тотальному выезду русских евреев в Израиль. Были созданы специальные социальные сети, распространение слухов, методическая и юридическая помощь... Назначение послом в Украину не было для Хербста неожиданностью: когда затевалось большое дело, он знал, без него не обойдется.

– Джон, – сказала госсекретарь США Лиза Райс, напутствуя его, – я тебе не завидую, ты едешь в страну, которая больше похожа на кисель, чем на государство. Там нет ни общего языка, ни общей религии, ни общей истории, ни общей культуры, ни общего менталитета. Это совершенно искусственное государство. Я запросила справки и с удивлением обнаружила, что еще сто двадцать лет назад «украинцами» даже на Западной Украине называли себя несколько десятков человек, остальные десятки миллионов считали себя русскими. Сейчас «украинцами» считают себя около тридцати миллионов. Это все бывшие русские, которые не хотят называть себя русскими и предпочитают называться украинцами. Проект по расколу русской нации на русских и украинцев профинансировала сначала Австро-Венгерская империя. Сейчас начатое дело продолжает действующая власть в лице президента Кушмы. Этого человека тебе придется взять под контроль. У него советское прошлое, и он заигрывает с русскими.

– Что я могу ему обещать за сотрудничество?

– Обещай ему неприкосновенность в течение всей жизни, дай американские гарантии и дай понять, что мы знаем его грехи и легко можем объявить вне закона. Он будет наш. Основная задача, с которой ты едешь, – продолжать начатый проект. Не секрет, что нефть на Ближнем Востоке скоро закончится. Она вообще закончится во всем мире. Ее осталось максимум на двадцать пять лет. Если за топливо можно быть спокойным, ученые предлагают много наработок, то углеводороды используются еще и в производстве полимеров и пластмасс. Их заменить нечем. Поэтому мир ждет столетняя «газовая пауза», в течение ста лет мы будем использовать газ как источник углеводородов. Половиной мирового газа владеет Россия. Нельзя допустить восстановления русской империи, которая захочет воспользоваться этим счастливым для нее моментом, этими ста годами. Столкновения с Россией неизбежны. Теперь вопрос на засыпку, Хербст: кто будет с ней воевать?

– Только не мы.

– Верно. И дело не только в атомной бомбе, которая есть у русских. Просто каждый американский гроб – это удар по рейтингу американской власти и вообще по нашей государственности. Наша кровь дорого стоит. Пусть русские воюют сами с собой. Те русские, которые стали за сто лет «украинцами», пусть воюют с теми русскими, которые еще остались русскими. Наше дело натравливать их друг на друга, сеять вражду.

– В истории Османской империи известны войска янычаров. Янычаров набирали из славянских мальчиков-сирот, родителей которых убили турки. Этих мальчиков-славян воспитывали как цепных псов, и они были самыми жестокими солдатами, убивали своих же бывших сородичей.

– Вот это я называю эрудицией, Хербст! Именно! Ты должен сделать из украинцев янычар, которые пойдут умирать за наши интересы в борьбе с русскими. Они должны трястись и скрежетать зубами только при звуке русского имени. Через год в этой Украине выборы, тебе предстоит сделать там то же, что только что сделали наши ребята в Грузии, – револю-

цию, которая должна привести к власти бультерьера, который будет терзать и кусать Россию, выведет ее из себя, заставит реагировать и навсегда испортит отношения между русскими и украинцами. Между ними должна возникнуть не просто отчужденность, а ненависть. Эта ненависть будет нам нужна, когда мы примем Украину в НАТО и пошлем полки украинцев резать глотки русским и умирать от русских пуль. Нам нужно сделать из этих украинцев пушечное мясо.

– Сало, мэм.

– Какое сало? «Пушечное мясо» – это выражение, которое означает...

– Я знаю, что оно означает, но в данном случае лучше говорить о сале. Я прочитал, что сало – это главный национальный украинский продукт.

– Хорошо, пусть будет «пушечное сало». Я думаю, нам так и надо в будущем назвать нашу операцию «Пушечное сало»... А сейчас твоя задача – через год привести там к власти человека, подобного грузинскому бультерьеру Саакашвили. Когда разберешься с обстановкой, мы вызовем тебя в Вашингтон, надо, чтобы грузинские коллеги передали тебе кое-какой опыт работы.

* * *

Увага, гра! Хто збере десять блискучих кришечок від нашого лимонаду, той може одержати поїздку в Туреччину на літні канікули!.¹⁰

– Міністр економіки України В. Хорошковський заявив об отставке, – повідомляє інформаційне агентство «Інтерфакт».

– Николай, вы просто волшебник какой-то, – не в силах сдержать счастливого смеха, сказала Алла, – прямо как в песенке в детской: прилетит к нам волшебник в голубом вертолете, это точно про вас.

Козак во всем по жизни был аналитик и стратег. И даже в том, как покорять женские сердца, пусть и таких столичных московских штучек, как эта Аллочка Лисовская.

Поэтому, чтобы действовать наверняка и чтобы сразу произвести убийственно неповторимое и неизгладимое впечатление, Николай решил устроить обзорную экскурсию по родному Киеву не на машине и даже не на открытой палубе второго этажа английского дабблдеккера, а сразу показать Алле город, как он выглядит с птичьего полета. Ну, естественно, слегка злоупотребил служебным положением, позвонил ребятам из президентского авиаотряда, они все равно летают над Днепром каждый день, возят то экологов, то киношников, так пусть покажут и его с девушкой!

В большом салоне «Ми-8» были только Алла и Николай. Командир, второй пилот и бортинженер понимающе прикрыли дверь в кабину, чтобы не мешать господину Козаку ухаживать за дамой. Ну, он и ухаживал.

– А это там что? – спрашивала Алла.

– Это метромост, а там острова, любимая зона отдыха киевлян.

– А это там?

– Это Киево-Печерская лавра.

– Откуда христианство по Руси пошло?

– Ну, типа того, я в религии не очень разбираюсь.

– А эта высокая дама со щитом и мечом – это Родина-мать, что ли?

¹⁰ Внимание, игра! Кто соберет десять блестящих крышечек от нашего лимонада, тот может получить поездку в Турцию на летние каникулы!

– Ну да, это поставили еще при Брежнев к тридцатилетию Победы, когда Украина входила в СССР.

– Ну, понятно, а теперь сносить не собираетесь? Как болгары солдата Алешу или как эстонцы памятник на Тынисмяги?

– Да нет, не собираемся, мы же вместе ту победу одержали.

– А это что там?

– Где?

– Ну это, красно-коричневое!

– А! Так это университет киевский, где, кстати, Булгаков учился, тот, что «Мастера и Маргариту» написал.

– А почему такого цвета?

– Кто?

– Ну, университет.

– Потому что так покрасили.

Алла звонко рассмеялась.

Она и пленила Козака этим смехом. И ему хотелось, чтобы она смеялась еще и еще, и он был готов сделать для этого что угодно.

– Вот про университет, ты говоришь...

Они уже незаметно перешли «на ты».

– Вот ты говоришь про университет, мол, покрасили, а у нас, когда я учился в военном училище, ходил такой анекдот, тогда вообще была мода на абстрактные анекдоты...

– А в каком военном училище ты учился?

– Это сейчас неважно.

– Не хочешь сказать?

– Скажу, ты слушай пока анекдот.

– Нет, ты сперва скажи, какое училище заканчивал? Это что? Тайна?

– Омское высшее училище КГБ СССР, устраивает?

– Вполне.

– Теперь можно анекдот?

– Давай.

– В общем, курсанта спрашивают, что такое: зеленое, соленое, висит на стенке и пищит?

– Ну?

– Ответ – селедка!

– А почему зеленое?

– Потому что покрасили.

– А! Поняла! – снова расхохоталась Алла. – Вот уж и правда, кстати анекдот!

– Ты недослушала, почему висит на стенке и пищит.

– Ну, почему?

– Потому что прибили гвоздиками к стенке.

– А почему пищит?

– А потому что ее крепко обнимают. – Козак крепко обнял Аллу.

Когда вертолет садился на площадке в Борисполе, Николай и Алла уже целовались, словно студенты, что по весне слиняли с занятий.

– Хочу с тобой видиться, – не отпуская ее руку, попросил Николай.

– Звони, – сказала Алла.

Сидя на заднем сиденье вызванной Николаем машины, Алла ехала к себе в гостиницу и впервые за последние три года думала не как думает журналистка Лисовская, а как думают

сотни тысяч слегка влюбленных молодых женщин: «А он женат?», «А с ним получится все-ррез?», «А как я ему, понравилась или нет?», «А у него много женщин?»

Но и Николай впервые с тех пор, как его Лена, с которой он жил со времен переезда в Киев и которая разбилась на тренировке в горах, впервые он думал не как положено думать старшему офицеру службы безопасности, а как думают слегка влюбленные мужчины: «У нее в Москве есть мужик?», «Она со мной ради работы, чтобы получить доступ к информации, или я ей нравлюсь как мужчина?»

Глава пятая

Январь 2004 г.

Сигари «Пуэрто Ріко» і справжня «Гавана» в магазинах «Домінікана». Будь чоловіком – пали сигару.¹¹

– МИД Украины сообщил, что в августе 2004 года планируется официальный визит министра обороны США Д. Рамсфельда в Украину.

- Ваш паспорт, пожалуйста.
- Вот, Дружинин, Евгений Васильевич.
- С какой целью следуете в Украину?
- Бизнес.
- Счастливого пути!

Дружинин прошагал в большой накопитель и уже хотел было присесть и полистать свежий номер «Коммерсанта», как увидел знакомую и аж до дрожи в затылке родную спину. Эту спину ни с какой другой спиной Евгений спутать не мог. Два года в строю за нею вышагивал.

– Павло!

Да, это был Павло Ксендзюк.

И вот объятия, похлопывания по спинам и по плечам, поцелуи, снова похлопывания.

– Ты где? – с мягким хохляцким «г» улыбочиво поинтересовался Ксендзюк и, не дожидаясь ответа, стал излагать свою биографию: – А я теперь в Торонто, у в Канаде, маю хату, три кары, пять чылдренят.

– Давно не видались, – слегка отстраняясь, сказал Дружинин.

– Ага, с самого Душанбе, как нас расформировали после вывода, – уже почти перейдя на русский, согласился Павло.

Павло. Его командир взвода. Командир взвода прапорщик Ксендзюк. Афганский хохол, как все звали его тогда в Баграме и в Кандагаре.

– Я ж при Горбаче запаковался-упаковался весь, – блеснув дентальной жемчужностью американской стоматологии, добродушно пояснил Павло, – кому война, а кому мать родна! Ты ж понимаешь!

– Я понимаю, – улыбнулся в ответ Дружинин, – а что теперь там?

Сказав это слово «там», Евгений махнул в сторону воображаемого Запада.

– Там? – вздохнув, переспросил Ксендзюк. – А там бизнес у меня, жрачка, сальцешмальце, ты ж понимаешь, хохол без склада, где тушенка, – не хохол!

Добродушно поржав, прошли в буфет.

– Виски, водку? – участливо поинтересовался Дружинин.

– Не, я у в Канаде на бурбон перешел, – покачал головой Ксендзюк, – та же наша украинська горилка, только з кукурузы!

– Два «Джим Бима», – сказал бармену Евгений.

– Ага, – согласно кивнул Ксендзюк и, буркнув что-то насчет нигде не принимаемых канадских долларов и золотой «визы» Чейз-Манхэттен банка, которую тоже не везде принимают «тут в Крыму», предложил пить «за счет старого афганского дружбана Дружинина».

– Я года три назад кого-то из наших встречал, мне сказали, у тебя сын есть, Василек, как он? – после второго «Джим Бима» поинтересовался Ксендзюк.

¹¹ Сигары «Пуэрто-Рико» и настоящие сигары «Гавана» в магазине «Доминикана». Будь мужчиной – закури сигару!

– Да вот вырос уже, – вздохнул Дружинин, – тоже вот бизнесом занимается.

– Каким бизнесом? – почти с профессиональным американским интересом спросил Ксендзюк.

– Рок– и поп-группы украинские в Москву возит вроде промоутера и пиар-менеджера у них там, – невесело ответил Дружинин.

– Что? Дела не очень чтобы очень? – хмыкнул Ксендзюк.

– Да, чем бы дитятко ни маялось, лишь бы не плакало, – ответил Евгений и, приказав бармену по третьему «Джим Биму», предложил выпить за Афган и за пацанов, что прилетели оттуда в Союз «черными тюльпанами».

Выпили не чокаясь.

– Слышь, братан, – обратился вдруг к бармену Ксендзюк, – сделай-ка телевизор погромче, что-то там интересное и кстати кажут.

По телевизору и вправду как по заказу для разговора двух афганцев шел какой-то безмолвный репортаж, показывали транспортные самолеты, какие-то гробы, потом военных, которые отталкивали гражданских с фото– и телекамерами.

Бармен прибавил звук.

– Вчора в аеропорту Жуляні не військова далечінь журналістам українського телебачення зняти репортаж про прибуття «вантажу– 200» за нашими неперевіреними даними в аеропорту вивантажували труни з тілами десантників, загинувших на маневрах поблизу Полтави, коли два бронетранспортери з солдатами підірвалися на учбових мінах....¹²

– Что за фигня такая? – возмутился Ксендзюк. – Ты послушай, что они брешут! Как могут два бронетранспортера с солдатами подорваться на учебных минах? Это что за лажа такая?

– Ясное дело, з Афгану десантников привезли, – встрял бармен, продолжая методично протирать и без того идеально чистые стаканы, – об этом все гутарят, потому и журналиста Гагаладзе вбили, что много знал.

– Мля, друг ты мой, Жека, – не удержал пьяных слез Ксендзюк, – мы вот з Афгану живыми приихалы, а братанов вот выгружают мертвяками...

Бармен, повинаясь жесту Ксендзюка, налил снова.

Выпили, а потом соткнулись лбами.

Соткнулись и затанули любимую:

Дембель будет, друг, и у нас с тобой,
Домой, домой, домой, домой,
Понесет нас самолет!

В самолет они грузились уже здорово датые. Недаром нос у Дружинина с утра чесался. Недаром!

– А знаешь, давай мы с тобой бизнес замутим, – уже на подлете к Симферополю и вполне уже протрезвев, сказал Ксендзюк, – мы с тобой, братан, здорово можем приподняться.

– Что за бизнес? – вскинул брови Дружинин.

– Який еще бизнес може быть у бывшего советского прапорщика, и тем более – у куска¹³? – ухмыльнулся Ксендзюк. – Тушенка, разумеется, что же еще?

– А поконкретней? – проявив явный интерес, спросил Дружинин.

¹² Вчера в аэропорту Жуляны военные не дали журналистам украинского телевидения снять репортаж о прибытии «груза-200». По нашим непроверенным данным, в аэропорту выгружали гробы с телами десантников, погибших на маневрах близ Полтавы, когда два бронетранспортера с солдатами подорвались на учебных минах.

¹³ Кусок – старшина роты (военный сленг).

Он еще по Афгану помнил, что Павло, этот прапорщик-хохол, мог из топора кашу в пустыне сварить. Где такой прошел, в народе говорят, там уже еврею делать нечего.

– У меня в Канаде консервированного сала по десять центов за банку сколько хошь, можно всю Западненьску Украину три года кормить, а здесь, если ты мне тут поможешь с реализацией, сало это по доллару за банку запросто пойдет. Местная-то тушенка в полтора-два раза дороже стоит! Транспорт, карго-расходы мои, твоя таможня и реализация, лады?

Дружинин колебался недолго.

Деньги были очень нужны. А тут дело светилось верное. С Ксендзюком не пропадешь.

Встречи со старыми друзьями волей-неволей наводят на воспоминания и философские размышления. Вот прошла часть жизни, кто чего добился? Кто кем стал? И почему так вышло? Почему из этого человека получилось то, что получилось, а из другого наоборот?

Сам Женья Дружинин родился в поселке Селятино Наро-Фоминского района Московской области, родился, естественно, еще в те времена, когда «Большая Москва» еще не приблизилась вплотную к Апрелевке, но когда его родное Селятино еще было девственно деревенским, без этих нынешних многоэтажек, по которым Селятино и Апрелевку теперь не отличить от какого-нибудь Бутова или Ясенева. В те годы, когда Женья подрастал и ходил в Селятинскую среднюю школу, их поселок считался этакой «недалекой близкой к столице областью». Но все же областью, а не городом и не столицей, со всеми вытекающими отсюда комплексами. Поэтому и ходили селятинские в дачные поселки москвичей – бить дачников. Ходили и порою садились на скамью подсудимых. Так было и с Толяном, с которым Женья до восьмого класса сидел за одной партой, так было и с Колькой Степановым, с которым Женья часто глушил на реке Пахре рыбу самодельными бомбами из негашеной извести. Толяна посадили в колонию для малолеток за драку на танцах в дачном поселке Кузнецово, когда Толян двинул одного очень «выеписного» и шибко модного москвича бутылкой, чтоб не модничал своими джинсами. Ну, у того московского папа каким-то важным чиновником оказался, Толяна и загребли по полной. На всю катушку – два года в малолетке, а потом еще четыре года во взрослой досиживать.

– И тебя туда же дорожка приведет, – приговаривала мама, когда Женька приходил домой с побитыми в драке и распухшими губами, – попадешь в тюрьму, туда тебе и дорога, если со своими дружками водиться не прекратишь.

А с кем ему – Женьке – было еще водиться? Не с девчонками же! Дачные москвичи из поселков Кузнецово и Рассудово держались обособленно, да и бывали в их краях только летом. А что было делать осенью и зимой? Разве что только качаться и боксом заниматься. Вот когда мода на качков пошла, когда люберецкие и долгопрудненские себя на Москве показали да поставили, Жека тоже пошел качаться. Кидал железо вверх-вниз в самопальном спортзале, что пацаны организовали в подвале Дома быта напротив универсама. Хотел после десятого класса, тогда одиннадцатого еще не было, поступать в Московский строительный. Да где там! Их сельской школьной подготовки по математике едва хватило на две тройки по письменной и по устной. А там ведь абитура вся шла натаканная репетиторами, а Женьке мать репетитора нанять не смогла – денег не было. До армии полгода работал в автомастерских – мать только богу молилась, скорее бы забрали в армию, а не то посадят парня. Каждый вечер пьяный, каждый вечер с ободранной рожей или кулаками приходит. В основном дрался из-за девчонки своей, Катьки-красавицы. В которую влюблен был с первого класса и которую сейчас ко всем ревновал. И хотя они уже с Катькой «встречались», как это теперь говорят, Женька не рассчитывал, что поженятся. За себя-то он был уверен, а вот что она его два года будет ждать... нет. Наро-Фоминский военкомат не оплошал. Женю по весне пригребли в армию. И по состоянию отличного крепкого здоровья – в десантные войска. А на дворе был одна тысяча девятьсот восемьдесят третий. С самой Москвы в Афган правитель-

ство предпочитало не брать – зачем волновать столицу похоронками? А вот с области брали. Взяли и Женьку. Попал он сперва в Душанбе – в учебку. Там получил сержантские нашивки на погон и «АНом-12» вместе с еще пятьюдесятью своими товарищами в декабре прибыл на авиабазу Баграм. Тогда, в конце восьмидесят пятого, сильные бои под Кандагаром шли. Женька и попал в самое молотилово. Многих товарищей тогда они в Союз «черными тюльпанами» отправили. Особенно жалко было их ротного. Старшего лейтенанта Матюшкина. Он почти полным земляком Евгению приходился, потому как до Афгана служил в Таманской дивизии, а она, как известно, рядом с Селятином базируется... Ротный сразу молодого сержанта заметил и частенько разговаривал с ним. «То да се, чем после армии заниматься? Куда с войны потом пойти? Куда прибиться?» Ротный как раз и говорил, что, мол, настоящий десантник, настоящий пацан, он и на гражданке должен характер показать и ни в коем случае не спиться и не пропасть – не сесть в тюрьму, как некоторые, не опуститься на дно. «Десантник, он всегда по жизни победитель», – назидал ротный. Жалко, убили его под Кандагаром: снайпер духов прямо в шею над бронежилетом ему угодил.

Вернулся Женька из армии, а тут сюрприз – девчонка его прежняя, Катюшка, которой он из принципа не писал, чтобы не узнать ужасные новости, что она его не ждет или замуж выходит, – ждала его все время! Да не одна ждала, а с его же сыном, которого, пока он в армии был, родила. И ведь молчала, дуреха! Родителям даже не говорила, от кого! Ну, что ж, парень он теперь стал серьезный. Такому повороту обрадовался. На Катюке женился, как с первого класса мечтал, и решил за ум взяться. Жека поступил-таки в Московский строительный. Родина хоть и не особо была ласкова к ветеранам, но внеконкурсное поступление в вузы все же обеспечивала. Женька поступил на дневное, но через два года, когда с деньгами стало совсем туго, перевелся на вечернее, а сам пошел на стройку, где ему, с уважением отметив и его орден Красной Звезды, и медаль «За отвагу», сразу предложили бригадиром. Женька не стал отказываться. Что труднее? Отделением разведчиков командовать или двумя десятками не прописанных на Москве строителей? А там перестройка подоспела, кооперативы, дележка стройтрестов между своими и несвоими. Пришлось даже пострелять пару раз на стрелках с бандитами, когда руководство их стройтреста отбивалось от долгопрудненских, что рвались их крышевать. Зато в результате всей эпопеи с приватизациями, закончив вечернее по специальности «экономика строительства», Женя Дружинин уже был не простым бригадиром строителей, а пайщиком и акционером одного из бывших СМУ их стройтреста, где занимал новую тогда для подобного рода подразделений должность – финансового директора.

С первых «больших распилов» купил матери дом. Хотел квартиру в Апрелевке, но мать по-старому пожелала, чтобы непременно с огородом и с курами на дворе. Купил... Себя и семью тоже не обижал – огромный загородный дом поставил. Все было потом, как у счастливых богатых людей, будто из сериала про Санта-Барбару. Своя строительная компания, большие заказы, большие деньги, учеба в Америке, диплом топ-менеджера, звание «Бизнесмен года», большие знакомства с большими людьми, большой «Хаммер» и мечта детства – полугоночный «Родстар-кабриолет». Из-за него-то Катюша и погибла. А вернее, из-за барсеточников, что к ней в машину полезли, а она – неугомонная, ей бы нет бы да промолчать, да сделать вид, что не заметила, как у ней с сиденья сумочку увели – и всего-то в той сумочке было – пятьсот долларов – не больше. А она полезла разбираться... Ну, и полоснули ей ножом по шее. Прямо по сонной. С уходом Катюши ушла и мечта о счастье. Ну... и кабы не памятные слова ротного, что «десантник никогда не позволит себе опуститься», да кабы не подраставший Васька-Василек, неизвестно, как бы перенес однолюб Евгений такую потерю. В общем... перенес. Только с головой в дело ушел. И не ездил теперь каждые три месяца на модные курорты, как бывало при жизни Катюши. Потому что смысла более в этих поездках не видел.

* * *

Крем «Невея» – кращий засіб для вашої шкіри! Крем «Невея» зробить вас непереборною!¹⁴

– Активисты националистической организации «УНА-УНСО» провели на Майдане Незалежности митинг в знак протеста против использования русского языка в рекламе на территории Автономной Республики Крым, – сообщает агентство «Новый регион».

– Владимир Семенович, можно?

Николай чуть приоткрыл дверь приемной генерала СБУ.¹⁵

– Входи, Микола, сядай.

Генерал стоял у книжного шкафа спиной к двери и что-то перебирал на полках.

Николай Козак прошел к длинному столу, за которым проходили обычно совещания, отодвинул кожаное кресло и сел.

Владимир Семенович Коляя, «крестный отец» Николая, когда-то взявший его после армии в органы, отмазавший от пары-тройки косяков, относился к Николаю как к сыну. А Николай к нему как к отцу. Об их человеческих отношениях, которые давно вышли за рамки служебных, знали немногие. А кто знал – помалкивал. Слишком уж силен был авторитет и аппаратный вес Владимира Семеновича в органах безопасности. Профессионал, отдавший службе более сорока лет, славился не только спланированными и проведенными спецоперациями, которые вошли в учебники и о которых рассказывали легенды новичкам, но и редкой по нынешним временам порядочностью. Нет ни одного украинского олигарха, который бы не пытался склонить его на свою сторону, обещая золотые горы, но все неизменно получали отказ. А получив отказ, даже не пытались обиженно мстить, потому что знали – нет в этой стране хоть мало-мальски заметного человека, на которого у Владимира Семеновича не была бы припасена «папочка». А на особо отличившихся – и целый чемоданчик. Владимира Семеновича уважали или боялись, а Николай его просто любил. Любил как своего первого учителя, как своего ангела-хранителя, лучшего друга, если, конечно, можно назвать дружбой взаимные симпатии людей разных поколений.

– Ну, что, Коля, пришел? На Виктора Федоровича жаловаться? Гоняет он тебя? Поручениями мучает? – усмехаясь, спросил генерал.

– Да нет, все нормально. Виктор Федорович – наш мужик. Простой, без барства. Не то что президент. Данила Леонидович тоже вроде из народа вышел, но быстро научился нос кверху задирать. Ездили вчера президент вместе с премьером в детский дом, детишки там концерты устраивали, так Виктор Федорович не смог сидеть. Как почувствовал, что заплачет, тихонечко вышел. А Кушма ничего. Сидит. Хоть бы что. Сердце у него каменное, разве что когда выпьет своего вискаря любимого, что-то человеческое в нем появляется. А воспитательницы на Виктора Федоровича обиделись, что он ушел. Вот, говорят, Янушевич какой деловой, не смог даже до конца досидеть... и не скажешь им, что этот донецкий мужик не хотел слезы на публику выставлять. Вот этот будет настоящий президент! Вот этот действительно будет...

– Не будет, – тихо, но твердо сказал генерал.

¹⁴ Крем «Невея» – лучшее средство для вашей кожи! Крем «Невея» сделает вас неотразимой!

¹⁵ Служба безопасности Украины, аналог ФСБ.

– Как не будет? Вроде с Данилой Леонидычем все решено, я сам видел. И слышал тоже. Объявят это дело в марте. Но договорились твердо. И Пенчук с Ахматовым тоже там были. И Медвешук тоже. А кто такую силищу переможет? Ищенко? Смешно.

– Смеяться через год будешь. А Данил Леонидович Кушма – это тебе не горилку кушать. Власть он отдавать не хочет и не отдаст, – генерал тихонько хлопнул по столу ладошкой.

– Как это не отдаст? Уже почти отдал... Что он может? Все правительство, вся власть у Виктора Федоровича. Верховная рада куплена донецкими на корню. Выборы осенью будут железно. А как их выиграть – это детали.

Генерал откинулся в кресле:

– А представь себе, Коля, такую ситуацию: что выборы будут не осенью, а вот уже через пару-тройку месяцев. Завтра президент тяжело заболеет, не сможет исполнять обязанности. Вот-вот помрет. У кого в этой ситуации преимущество? У твоего Янушевича, у которого рейтинг пять процентов, или у Ищенко, у которого – двадцать пять? А Янушевичу двадцать пять еще набрать нужно. А времени мало.

– Ну, так вся власть тем более будет тогда у Виктора Федоровича, раз президент в больнице. Включат все каналы, бросят любые деньги – и за три месяца можно выборы выиграть. Любыми путями.

– А ты учел, что половина администрации президентской у Медвешука за Янушевича никак не болеют? Журналисты на телеканалах куплены Ищенко или получают американские и европейские гранты. Не так-то все просто в этой заварухе будет сделать... Да и выборов никаких не будет.

– Как не будет? Если президент не в состоянии, по закону...

– А для чего весь этот спектакль с болезнью нужен? Если устраивать выборы, чтобы на них Янушевич или Ищенко победил? Я ж тебе сказал – президент хочет остаться у власти. Соображай, Коля! Столкнутся Янушевич и Ищенко, пойдет страна вразнос. И тут Данила Леонидович внезапно выздоравливает, выезжает на белом коне и заявляет: «Ну, как вам Украина без Кушмы?» И тут же снижает цены, разнимает дерущихся петухов, восстанавливает власть. И получает доверие населения, с которым можно и самому на выборы пойти, и конституционную реформу провести. Классическая схема – сам кризис создал, сам его разрешил.

– Вы это предполагаете? Или точно знаете, Владимир Семенович?

Хотя в кабинете генерала СБУ говорить можно было свободно, ничего не опасаясь, хозяин кабинета, больше повинаясь старой привычке, чем чего-то страшась, ответил уклончиво:

– Какая разница. Так будет или по-другому, произойдет это сейчас или в течение полугода. Может, президенту и болеть незачем. Столкнутся Янушевич с Ищенко в любом случае, а он будет помогать попеременно то одному, то другому, то явно, то тайно. Дойдет все до открытых столкновений, потому что никто результатов выборов не признает, кто бы ни проиграл, кто бы ни выиграл. Страна будет залита кровью. А кто может возвыситься над дерущимися сторонами? Только пока еще действующий президент. А быть над всеми – это и есть власть. Так что придут к нему как к третейскому судье и Ищенко, и Янушевич твой, и русские, и поляки, и американцы, и европейцы. Поклонятся и скажут: разведи всех по сторонам, будь гарантом, поставь всех так, как ты хочешь, а мы признаем. И сделает он так, как ему надо. Вот тебе наша история на ближайший год.

Николай потрясенно молчал. Все было так очевидно и в то же время нереально. Просто не хотелось в это верить – столкновения, кровь, конец всем планам сделать карьеру при новом президенте Янушевиче.

– Ладно, Коля, не бери в голову. Чему быть, того не миновать. Давай кофейку попьем. Генерал наклонился над селектором, нажал кнопку и сказал:

– Оксана, две кавы, будь ласка.

Николай откинулся в кресле, размышляя над сказанным. Генерал подошел к шкафу, стал перебирать бумаги. Николай несколько минут наблюдал за ним, пока взгляд его не остановился на странном портрете в рамке. Красивый кудрявый царский офицер гордо смотрел на Николая горящими глазами. Множество орденов, эполеты.

– Надо знать свою историю, – словно прочитал его мысли генерал, Николай не заметил, как начальник повернулся и наблюдал за ним, – это Иван Федорович Паскевич. Фельд-маршал! Один из самых великих украинцев в истории. О нем не пишут в учебниках, и мало кто знает, что он, как Суворов, не проиграл ни одной битвы.

Владимир Семенович оживился и продолжал дальше уже с задором мальчишки:

– Он, брат мой, уже по молодости совершил несколько подвигов, бежал из турецкого плена, пришел прямо в ставку паши и брехал, что война уже кончилась, пока его турки не отпустили. Шальной был. Потом в Болгарии воевал, Варну штурмом взял. В Отечественной войне отличился под Смоленском, а потом в Бородинском сражении – защищал батарею Раевского. Бил Наполеона под Лейпцигом, входил в Париж! Царь Николай Первый доверил ему свою гвардию. А потом в персидской войне Паскевич семью тысячами разбил тридцать пять тысяч персов, потеряв сорок шесть человек убитыми! Взял Ереван, с потерями пятьдесят два человека. Взял неприступную турецкую крепость – Карс... Да... И Варшаву взял, когда подавлял восстание... А ведь даже Богдан Хмельницкий ее не смог взять, а Паскевич взял. Поэтому и не могут ему простить...

– Ну, вы же знаете установки. Это человек уже другой, российской истории, не нашей... – начал было Николай.

– Одна у нас история! – рубанул рукой генерал. Его и так суровое лицо на миг стало даже жестоким.

– Да я...

– Ты еще молодой, ничего не видел, кроме учений да бандитских стрелок, а я вот давай тебе расскажу, что на настоящей войне бывает... В Афгане был у нас в спецгруппе бугай такой Миша Немцов. Кирпичи и бутылки башкой ломал, на турнике семьдесят пять раз подтягивался. А вот в деле... Возвращались мы с задания тропкой одной горной, а его отправили сторожить, коридорчик один закрыть. Там его духи и приняли. Два варианта у него было. Начать стрелять, как только он их увидел, и, конечно, погибнуть, но нас теми выстрелами предупредить... Или же... бросить автомат и сдаться. Он второе выбрал. И духи по коридорчику прошли в горах, нам в тыл. Пятерых положили, гады, пока мы успели упасть и начать отбиваться. Пять гробов домой пришло потом!!! Вместо него одного. Потом, говорят, его били, он в плену ислам принял. И повели его куда-то в горы, далеко. А поначалу били, да так сильно, что ногу сломали и идти он в горах не мог. А когда совсем обессилел, взяли духи и пристрелили как собаку своего нового единоверца. И правильно, собаке – собачья смерть. Это спустя месяц нам один пленный дух рассказал. Вот так.

– Ну, это понятно, в экстремальной ситуации всегда решается, кто ты есть на самом деле. Только при чем здесь этот, как его, Паскевич? – недоуменно покосился на генерала Николай.

– А ты смекай! Насчет экстремальной ситуации – правильное направление взял... Вот посмотри, самый большой патриот Франции и человек, при котором она достигла самого большого могущества в истории, кто?

– Наполеон, что ли? – Николай почувствовал себя неудобно, давно он уже отсдавал все экзамены.

– Наполеон, да! Но кто он? Корсиканец! Провинциал! А кем был Сталин, при котором Россия за всю свою историю получила самое большое могущество, с бомбой атомной стала вровень с США – ведущей державой мира? Сталин был грузин, осетин даже. Но самый большой патриот империи. И сейчас Жириновский, парень, который провел детство в Средней Азии, – самый большой русский патриот. Почему? Потому что каждый день, каждый час, каждую секунду он, живший в непосредственном столкновении с узкоглазыми, знал, что они – это они, а он – русский. И то, что он русский, он не может забыть, это ему во сне снится, это в него вбито со всеми писдюлями, которые он получил от черножопых!!! – Генерал не на шутку разошелся. – Самые большие патриоты империи выходят из тех, кто живет на границах империи, потому что они чувствуют присутствие чужого и на фоне чужого больше берегут свое! Понял? Не понял, я бачу. Граница – это та же самая экстремальная ситуация, в которой у тебя два варианта: или стать святее папы римского, или свалиться в предательство – иного не дано. А что такое «украинец»? Это тот, кто живет у края, у границы. Мы всю историю были в экстремальной ситуации. И вариантов у нас два всегда было: либо быть самыми русскими из всех русских, русее всех русских, или свалиться в предательство! Мы, украинцы, сделали всю российскую историю и Российскую империю! Тут тебе и Поддубный, и Кожедуб, и Королев, и Сикорский, и Репин, и Пирогов, и Макаренко, и Вернадский, и Даль, и Гоголь, и Булгаков, и Хрущев. Да дело не в знаменитостях. Вся армия Российской империи держалась на простых хохлах и вся православная церковь! Наши там были прапорщики да попы. А что может быть для государства главнее армии и церкви? Россия без украинцев – не империя. Это не я сказал. Это Бжезинский! А этот лях знает толк в истории. Зато все вместе, да еще и с Белоруссией, нет силы сильнее нас в мире. Можем мы временно проиграть, но обязательно и поднимемся. У всех остальных кишка тонка. Америке этой всего как государству двести лет. Корней крепких нет, подует буря, и все там свалится... Видал я американских вояк... Перхоть... Всем миром мы можем вместе править. А по отдельности – нет. Не будет России – и нам конец – тем паче. Можно, конечно, впасть в предательство, как Мазепа и Бандера. То есть выбрать не Россию, с которой мы и кровью, и историей, и верой связаны, а Запад... Только будешь ты всегда на Западе человеком третьего сорта, будешь разменной монетой, будешь тем, кого первым в топку кинут или пристрелят, чтоб не мешал, как того Мишку Немцова духи пристрелили, хоть он и ислам принял...

– Президент вас не слышит, – хмыкнул Николай.

– Президент у нас «другой украинец», из Бандер и Мазеп, а не из Паскевичей, Гоголей, Поддубных. И не будет ему никогда мировой чести и славы, коя возможна, только если эта слава в России добывается как мировом государстве, а будет ему временная слава здесь, в маленькой, никому не ясной стране, и вечный позор на Небесах как предателю. Мелкий, гнилой человечиска во всем мелок и гнил. Уж я-то знаю все его дела, Данил Леонидыча нашего дорогого. Вор наш президент, самый мелкий, бессовестный и подлый. Да ладно... не волнуйся, это я только тебе говорю. Чтоб знал ты, ежели что: в составе России украинец может и в Париж победителем входить, и ракеты в космос пускать, и американцам башмаком грозить, а в составе Украины мы лишь фольклорную ценность представляем, коею Кушма и упивается. Мировое господство променял на вышиванки и вареники, падла. А вчера в Крыму... слышь... был в массандровских подвалах «с рабочим визитом», так незаметно бутылку вина стапятидесятилетней давности в карман куртки сховал. Мне доложили. Ладно, Коля, беги к себе, мне тут еще пару дел перетрясти надо. Виктору Федоровичу поклон от меня.

Николай спустился в лифте, прошел коридором, привычно показал удостоверение на выходе охраннику и, только чуть не оказавшись под машиной, понял, что все эти последние пятнадцать минут своей жизни он был где-то в другом измерении, где-то в исторических дебрях, откуда не хочется возвращаться на землю.

Глава шестая Январь 2004 г.

Засіб «Антираптор» гарантовано виводить гризунів з вашого будинку. «Антираптор» вбиває їх всіх!»¹⁶

– Из источников, близких к администрации Президента Украины, стало известно, что недавно назначенный премьер–министр Украины В. Янушевич планирует принять участие в президентских выборах, – сообщает газета «Коммерсант».

Звонил Володя Сипитый.

Сипитый был у Дружинина замом по строительству. Или, как он сам в шутку себя называл, бахчисарайским наместником.

Евгений Васильевич Дружинин уже два года строил в Крыму санаторный комплекс и по самые «не могу» увяз и завяз в этом строительстве, вбухав в него не только все свои свободные деньги, но и кредиты, взятые в НРБ-банке под залог московских активов.

– Женя, приезжай срочно, тут полный погром, – орал в трубку Сипитый, – нас тут совершенно пускают в разор, тут такое! Женя, ты не понимаешь всей катастрофы, нас просто разоряют, мы по миру пойдем, у нас ничегошеньки не останется.

– Вова, а никак нельзя на неделю отложить? – с последней жалкой надеждой на сохранение отпуска спросил Дружинин.

– Если хочешь остаться полным банкротом, – буркнул в трубку Сипитый, – то оно, конечно, потерпит.

Ну и дела!

– Что там у тебя?

– Как дела? – совершенно спокойным голосом переспросил Сипитый. – У нас полностью разграбили склад цемента, весь запас силикатного и красного кирпича, уперли весь брус, на пять лимонов гривен однозначно. – Сипитый откашлялся мимо микрофона трубки и продолжил: – И это еще не все, угнали автокран, растащили оборудование растворного узла, ну, бетономешалки и там уже по мелочи... про инструмент да про всякие там пакетники и электропускатели и пятьсот метров кабеля я уже молчу.

От пережитого шока Сипитый даже успокоился. Так бывает, когда человек сперва понимает, что гибнет, и поэтому орет, рыпается, а потом вроде как свыкается с мыслью, что все кончено.

– Приедешь, не узнаешь, все татарва подчистую пограбила, и, более того, они землю нашу столбят и хибары на ней свои из нашего же стройматериала строят, – теперь уже бесстрастно рассказывал Сипитый, – приезжай, надо что-то делать.

Что-то надо было делать.

* * *

Пиво «Славут» – це якість, смак і дружня атмосфера!»¹⁷

¹⁶ Средство «Антираптор» гарантированно выводит грызунов из вашего дома. «Антираптор» убивает их всех!

¹⁷ Пиво «Славут» – это качество, вкус и дружеская атмосфера!

– Министр внутренних дел Украины в интервью телеканалу «5-й канал» заявил, что следствие по делу пропажи журналиста Гагаладзе расследуется со всей объективностью.

Ну, перво-наперво из Симферополя Дружинин на такси махнул прямо в Бахчисарай на стройку.

Мама родная! Лучше бы не ездил, в самом деле.

Однако, прежде чем ехать в Симферополь и в Киев искать у местных защиты своего бизнеса, требовалось узнать всю правду-матку, какой бы тяжелой и трудной она ни была.

– Азат-лыкь! Азат-лыкь! – скандировали татары.

В том, что толпа хреново одетых пацанов представляла собой новую татарскую реконкисту, Дружинин и без помощи Сипитого разобрался.

Голова Сипитого была повязана бинтом, сквозь который в области виска явственно проступала кровь.

– Ты как легендарный командир Щорс, – пошутил Дружинин, обнимая своего старшего прораба, – голова подвязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве, – по детской пионерской памяти процитировал он, похлопывая Сипитого по спине.

– Это они мне камнем засветили, – пояснил Сипитый, – для пущей важности политического момента, так сказать.

– А чего ты меня в аэропорту не встретил? – спросил Дружинин.

– Так они нам не только пилораму с бетонным узлом пожгли, они и машину мне всю покорежили-побили, теперь на такси или пешком, – пожаловался Сипитый.

– Азат-лыкь! Азат-лыкь! – продолжали скандировать татары.

– Что делать будем? – еще не до конца оценив всю глубину и всю тяжесть катастрофы, спросил Дружинин.

– В Киев тебе ехать надо, – вздохнув, сказал Сипитый. – В Киеве что-то еще, может, и можно сделать, а местные мне даже милицию не прислали, сказали, сам разбирайся, кто прав, кто виноват, мол, стройка не местная, хозяин московский, поэтому не фиг, мол, местную милицию на это мутить.

– Суки! – выдохнул Дружинин.

– И те, и другие, – согласился с боссом Сипитый.

– Ну, а как тут вообще обстановка? – поинтересовался Дружинин, отряхивая с брюк люто въевшуюся в сукно цементную пыль.

– Хуже, чем там, в горах, – мотнув головой в сторону воображаемого Афгана, ответил Сипитый. – Без автомата и в одиночку лучше не ходить.

– Ну, так нас двое, да и вон швабру вместо автомата возьмем, – хмыкнул Дружинин. – Может, покажешь мне этих татар, не страшнее же они, чем духи? Помнишь, как мы с тобой тогда под Кандагаром, помнишь, в деревню к пуштунам за солью ходили? И ничего.

– Молодые были – дураки были, вот и ходили, – буркнул Сипитый, – но коли тебе так интересно, давай, садись в машину, прокачу тебя по «Нахаловке», только, чур, потом, если нам стекла в «Ниве» камнями побьют, ремонт за твой счет!

– Годится, – весело ответил Дружинин... но, садясь в Володькину «Ниву», все же пожалел, что она не «бээмпэшка» и что на крыше у нее нет крупнокалиберного ДШК.

Они ехали по узеньким улочкам поселка «Самострой», и Вова Сипитый давал свои невеселые комментарии:

– Гляди, Женька, ведь это все из нашего с тобой стройматериала построено, вон, видишь этот сарай двухэтажный? – не выпуская руля, Сипитый мотнул головой в сторону причудливо-безобразного сооружения. – Узнаешь наш с тобой брус, что с одесской пилорамы прошлый год получали? Так это он, наш с тобой брус.

Их машина объезжала группу молодых татар. Это были парни примерно двадцати – двадцати пяти лет, они с озорной веселостью поблескивали злыми глазами и скалили зубы, пританцовывая и покрикивая что-то обидно-агрессивное.

– Если что случится, – сказал Володя, прибавляя газку, – к ментам обращаться не приходится, менты сами сюда соваться побаиваются.

– А что так? – спросил Евгений Васильевич, когда их машина вырвалась из поселка на простор шоссе.

– А то, что круговая порука не хуже, чем в Сицилии, – ответил Сипитый, – да и живут тут все незарегистрированные да половина без паспортов, по своим законам живут, местной власти не признают.

– Вот и ищи у местной власти защиты после этого, – тяжело вздохнул Евгений Васильевич.

– Это точно, – согласился Сипитый, – закон – тайга, медведь – хозяин.

Прежде чем ехать в Киев, Дружинин сделал звонок политтехнологу Марату Гельбаху, с ним Дружинина еще школьная дружба связывала.

Маратик дал верный совет: во-первых, зафиксировать весь причиненный стройке ущерб не только милицейскими протоколами, потому как без них никакое, ни Симферопольское, ни Киевское Управление МВД или прокуратура братья за дело не станут, но также заснять беспорядки и результаты погрома еще и на видео. Причем с датой и временем съемки. А во-вторых, дал телефон одного депутата Верховной Рады. Сказал, что мужик стоящий, бывший эмвэдэшник из днепропетровских, свой в доску хохол!

Съемки ущерба повлекли за собой еще больший ущерб.

От первого камня, просвистевшего над его головой, Дружинин увернулся, второй камень пролетел выше, но с характерным жестяным стуком ударил по капоту «Нивы», на которой Дружинин добрался до стройки, а третий камень больно ударил в плечо.

Дружинин выронил камеру, машинально прикрывая руками лицо.

– Булгаламак! – закричали и заржали довольные боевики. – Уезжай в свою Москву, дурак! – кричали они вслед.

* * *

Незабаром! «Людина-паук!» Дивитесь в кінотеатрах!¹⁸

– Президент Украины Кушма не будет принимать участие в президентских выборах – так заявил на условиях анонимности источник в администрации президента Кушмы, – сообщает агентство «Регнум».

В Киеве Дружинин позвонил этому депутату. Степану Сидоренко.

Засели в ресторане «Кращі Часи», что на бульваре Лепсе.

– Здесь готовят дюже смачно, – по-хозяйски садясь в кресло возле окна, сказал Степан, – я здесь люблю обедать.

Это было похоже на правду, хотя бы потому, как обслуга ресторана на полусогнутых бегала и суетилась перед депутатом.

– Ты пойми, – в запале говорил Дружинин, – я же не коттедж себе строю и даже не винокурный заводик, я санаторий для ваших же чернобыльцев строю, я, может, первый в Бахчисарае по-настоящему четырехзвездный отель строю, чтобы вам же не стыдно было перед

¹⁸ Скоро! «Человек-паук»! Смотрите в кинотеатрах!

иностранными туристами, а то ведь ваши четыре звезды и на три египетские или турецкие не тянут.

– Ты не кипятись, – успокаивал своего визави депутат Сидоренко, – выпей-ка лучше нашей очищенной да на березовых бруньках!

Выпили.

Потом еще выпили.

Потом им принесли один борщ для депутата и одну сборную московскую солянку для Дружинина.

– Я ведь не столько для себя строю, сколько для Украины, – снова начал возмущаться Евгений, – а украинские власти совершенно ничего не могут и не хотят сделать для защиты моего... нашего взаимовыгодного бизнеса. Это как вообще понимать? Собака ест собаку? Змея сама себя жалит в хвост? Назло москалям порушу весь наш бизнес в Крыму?

Хохол сделал хитрое лицо и молвил в ответ:

– Знаешь, друган, если власть плоха, то надо создать ту власть, которая для тебя хороша.

Сказал и стал разглядывать Дружинина, выискивая в его лице положительную реакцию на сказанное.

– То есть ты мне предлагаешь сделать какие-то ставки в ваших политических играх? – переспросил понятливый Евгений.

– Правильно мыслишь, – ковыряя зубочисткой в ровном ряду дорогой металлокерамики, кивнул Сидоренко, – вложись в нашу новую власть, и она потом тебя поддержит.

– А много надо денег? – простодушно спросил Дружинин.

– Мы берем с бизнесменов от десяти процентов их стоимости, – с хохляцкой прямотой ответил Сидоренко.

– То есть?

– То есть, если твоя гостиница со здравницей стоят двадцать лимонов зелени, ты откачиваешь нам два на наше партийное строительство, лады?

Дружинин понял, что иного ходу у него нет.

– Я согласен, но деньги не сразу, – сказал он, когда принесший десерт официант налил им ликеру и с поклоном тихо удалился.

– Ну, вот и ладушки, – довольно сказал Сидоренко, – а уж за нами-то не пропадет. За Витей Янушевичем вся Восточная Украина. Мы тебе и с гостиницами, и с пансионатом пособим.

Через полчаса, уже сидя в гостинице, Дружинин набирал канадский номер.

– Мне деньги нужны, – сказал он в трубку.

– Сколько? – спросил Ксендзюк.

– Два миллиона.

– Я тушенки двину тебе, что как раз по вашим ценам чистой прибыли будет на пять лимонов, ты уж там сам разрули, и половина твоя, – сказал Ксендзюк.

– Лады, – ответил Дружинин, – давай, шли почтой договора. Киев, гостиница «Плаза», улица Константиновская, 7А, на мое имя.

* * *

Ми показуємо вам те, що вони ховають! Усі зірки в нашому журналі!¹⁹

¹⁹ Мы показываем вам то, что они прячут! Все звезды в нашем журнале!

– Президент России планирует визит на Украину летом 2004 года, – сообщает «1-й канал».

Еще бы десять дней назад, до приезда из Москвы в Киев в эту командировку, кто бы сказал Алле – этой высокомерной столичной тусовщице, что она будет бегать по набережной, играя в догонялки с советником премьера, и при этом смеяться самым глупым образом?! Она бы фыркнула, презрительно поджав губу, и сказала бы, что такого не будет с нею никогда.

Но было.

Воскресная программа была у них очень насыщенной. На этот раз Николай вертолет брать не стал, но снова, слегка злоупотребив служебным положением, попросил у водной милиции дать катер на подводных крыльях – покататься по широкому Днепру. В жаркий день сложно придумать что-либо более интересное.

Козак попросил сержанта, что рулил их катером, высадить их за мостом. Первым спрыгнул на берег. Подал Алле руку, и она, легкая, как сказочная невеста, прыгнула безо всякого страха.

– Ох, – запыхавшись от долгого подъема на высокий берег и оглядываясь на широченный разлив Днепра, выдохнула Алла, – красиво-то как! Прямо рай какой-то!

– И разве можно сравнить Днепр с вашей Москвой-рекой? – с дурашливой укоризной спросил Николай и, обняв Аллу, стал пальцем показывать ей, где, по мнению историков, на каком плесе мог утонуть знаменитый Андреевский крест, на котором, по преданию, распяли святого апостола Андрея.

– Наше московское мороженое все равно лучшее в мире, – сказала Алла.

– Не буду спорить, – согласился Козак, – но нам, мне кажется, давно пора перестать доказывать друг другу, что мы, мол, прекрасно можем друг без друга обойтись, сколько об этом ни говори, а на деле все наоборот оборачивается!

– Беріть газету оранжевої коаліції, – кричали две студентки в ярких жилетах, что поверх рубы надевают обычно рабочие на железнодорожных путях, – остання стаття кандидата в президенти Юрія Іщенка!

– Купуйте книгу історика Віктора Чорваненкі «Чому Україна краще чим Росія», – вторили студенткам два парня в немецких альпийских кеппи.

– Давай я куплю, – Алла придвинулась к книжному лоточку.

– Да зачем тебе, я этой ерунды тебе бесплатно сколько хошь принесу, – оттаскивая Аллу от лотка, сказал Николай.

– Це не вірунда, бач що сказав, москаль проклятий, – вдруг возмутилась на слова Николая одна из бабенок, что стояла подле парней в кеппах, – це правдива книга нашого кращого історика, там все правда від початку і до кінця.

– Заспокойтеся, бабуся, я теж люблю історію і правду теж люблю, – миролюбиво улыбаясь, ответил Николай и стал уводить Аллу подобру-поздорову от греха подальше.

– Такий красивий хлопець, а діву узяв російську московську, дурень, – продолжала ворчать бабуся.

– Да ну их! – засмеялась Алла.

– А поедем ко мне! – предложил вдруг Николай.

– К тебе? – вздрогнула Алла. – А не слишком ли лихо берете в галоп, товарищ командир?

– Да ты меня неправильно поняла, – поправился Козак, – я тебя хочу пригласить к нам в Запорожье, там родина моя.

– А-а-а! – не то успокоенно, не то разочарованно протянула Алла. – Теперь понятно. Поедем. Как-нибудь.

Глава седьмая Январь 2004 г.

Прокладки «Леди-Ди» у ваши критичні дні – це упевненість і комфорт²⁰

– Лидер оппозиции Ю. Иценко не исключил возможность выдвижения своей кандидатуры на президентских выборах, которые пройдут осенью 2004 г., – сообщает радио «Мрия».

– Представляешь, это уже как система, эти демократы выставляют кандидатами цветных, или если выставляют белого, то вице– президентом у него обязательно цветной или цветная, – жуя резинку, тараторил Джим Кэмпбелл, советник Госдепартамента, отвечающий за Украину, но сидя в Вашингтоне, – но ведь и нашим, в штабе республиканцев, теперь тоже понравилась эта мода, и мало того, что в госдепе нынче черным-черно, как в Гарлеме или в блюзовом клубе где-нибудь в Теннесси, так эта Лиза Райс взяла себе в помощницы, представь кого?

– Кого? – машинально переспросил Хербст, хотя ему и было неинтересно, кого взяла себе в помощницы эта выскочка Райс.

– Индианку она себе взяла, вот кого! – воскликнул Джим Кэмпбелл, ожидая от своего собеседника ну если уж не взрыва возмущения, то хотя бы изумленного всплеска рук. А Джон Хербст не хотел ни возмущаться, ни изумляться, он дьявольски устал и всю дорогу на перекладных из Киева до авиабазы Эндрюс проклинал Судьбу, что забросила его в такую свинячью и варварскую дыру, как эта Украина. Вот из нормальных стран, таких как Франция или даже воевавшие со Штатами Германия или Япония, самолеты летят в Вашингтон ежедневно по десять рейсов на дню, с интервалом в час или в два. А из этого fuckin' Kiev черта с два улетишь, когда надо! И когда Джим Кэмпбелл встретил насмерть уставшего, всю ночь не спавшего Джона Хербста, тот был не способен ни удивляться, ни возмущаться политическим модам и хэбитам предвыборных штабов своих счастливых соотечественников, которым не надо было таскаться на работу в эту забытую богом страну – Украину. Джим подал машину прямо к рампе «Геркулеса» и потом не преминул проехать по широкой рулежке мимо двух самолетов президента: «Боингов-747», «Айрфорс» номер один и номер два, что стояли тут до поры.

– Ну так и что, что индианка? – зевая во весь рот, переспросил Хербст.

– А то, что я тебе хохму сейчас расскажу, – превентивно начав смеяться собственному анекдоту, ответил Кэмпбелл.

«Ну, ладно, – подумал Хербст, – до Вашингтона полчаса по фрифвею, можно и сальный анекдотец от Джима Кэмпбелла послушать».

– Так вот, поспорили Маккейн с Бушем, кто круче, парни из Аризоны или из Техаса, – начал Джим, сам заранее подхохатывая и подхихикивая, – в общем, надо было первым испытанием выпить пинту бурбона, потом вторым испытанием переспать с индианкой, а в качестве третьего испытания войти в клетку к медведю гризли и пожать ему лапу, как если бы медведь гризли являлся избирателем от штата Колорадо.

– Ну, – из вежливости, но уже засыпая, буркнул Хербст.

– Вот я и говорю, Буш первым выпил пинту бурбона и, когда лег с индианкой в постель, заснул и облевался.

²⁰ Прокладки «Леди Ди» в ваши критические дни – это безопасность и комфорт.

– Не смешно, – буркнул Хербст.

– А вот Маккейн – тот выпил пинту бурбона и спьяну полез в клетку с Гризли, а потом вылезает из нее через час и спрашивает: «Покажите мне ту индианку, которой я должен пожать лапу».

Джим Кэмпбелл сам заржал и, оглянувшись из-за руля на заднее сиденье, разочарованно увидел там, что его друг Джон Хербст уже похрапывает и посапывает.

– Так ты и не слушал, мерзавец, а я перед тобой тут, как клоун в шоу Эдди Сэливана, вот и езд, встречай в аэропорт старых друзей! – разочарованно пробурчал Джим Кэмпбелл.

– Я все слушал, старина. Эти анекдоты придумывают люди Маккейна, чтобы показать, какой он крутой. Впрочем, насколько я его знаю, он действительно способен трахнуть медведя гризли. Но сегодня мы с ним познакомимся получше. Через сколько мы должны быть в его офисе?

Их машина встала в длинной пробке. Они въезжали в Вашингтон.

– Так вы та самая индианка, которой я должен был пожать лапу? – улыбаясь, Хербст радушно протянул руку строго насупленной молодой женщине. – Я рад познакомиться с помощницей госпожи Лизы Райс.

Аланта Тахой передернула плечиками, но руку, вернее три вытянутых пальчика, Хербсту протянула.

– Вот ваша agenda, – на французский манер делая ударение на последней гласной и протягивая Хербсту отпечатанную на мелованной бумаге программу совещания, сказала помощница Лизы Райс, – сперва я представлю вас сенатору Маккейну, он познакомит вас с остальными, а госпожа госсекретарь прибудет несколько позднее, у нее совещание в Белом доме.

Знал бы Хербст, что встреча с Райс стоит не первой позицией в его «goals for today»²¹, не стал бы он так торопиться, а вылетел бы из Киева нормальным рейсом «Бритиш Эйр» до Лондона и выспался бы нормально.

Но помощница снова прервала бесплодные мечты Хербста о сладком сне:

– По просьбе госпожи госсекретаря сенатор Маккейн организовал мероприятия в один день и таким образом, чтобы вы с госпожой госсекретарем имели возможность познакомиться с участниками семинара руководителей наших общественных демократических фондов, а потом могли пообщаться между собой в тесном кругу, чтобы поговорить подробнее.

Встреча проходила в офисе «Института развивающихся демократий», которыми руководил знаменитый сенатор от Аризоны, известный всему миру еще тем, что, сидя во вьетнамском плену, он вырастил громадный зуб на все коммунистические и посткоммунистические государства.

Маккейн встретил их в холле сам. Выглядел он подтянутым и загорелым и Хербсту Маккейн показался излишне резким, как если бы был не сенатором, а таким двухзвездным генералом морской пехоты где-нибудь в жарком Ираке в момент высадки и десантирования там основных боевых сил.

Кстати, основные силы Маккейна действительно находились неподалеку. Позади сенатора стояли пятеро мужчин, и двоих или троих из них Хербст точно видел прежде по телевизору.

– Рад приветствовать вас, посол, – двумя руками пожимая ладонь Хербста и глядя ему прямо в глаза, сказал Маккейн, блеснув при этом безукоризненной улыбкой, какой позавидовала бы любая звезда Голливуда, – прежде чем показать вам мой штаб экспорта демократий, я хочу познакомить вас с отличными парнями.

Маккейн сделал пол-оборота и принялся называть присутствующих:

²¹ Целях на сегодняшний день (англ.).

– Это Джордж Соснос, воплощенный финансовый гений Америки, спонсор наших основных проектов.

– Я предпочел бы называться инвестором, – улыбнулся миллиардер.

– Старый проказник! – погрозил пальцем Сосносу Маккейн. – Только он один знает, как потом втроене получить с тех аборигенов в развивающихся странах, в которых он вложил деньги! Ха, так: это Майк Боун, он идеологически руководит всем проектом, это Брюс Джэйсон, он руководит проектом в Грузии, это Боб Хэлвисон, он недавно с блеском завершил дела в Сербии, и, наконец, Найджел Шорт, автор знаменитой книги «Диктатура и демократия». Господина Ищенко вам представлять не надо, вы уже познакомились с ним в Киеве. Он будущий президент Украины, но для того, чтобы им стать, он должен немного послушать моих парней, для чего мы его сюда и пригласили. А эта красавица – будущая первая леди Украины, Екатерина Чумиченко, жена господина Ищенко.

– Екатерина – американская гражданка, – шепнул на ухо Хербсту Кэмпбелл, – она работала в Госдепартаменте. И является абсолютно доверенным человеком. Правда, она работала по другой линии и не совсем привыкла заниматься организацией государственных переворотов. Но мы сегодня ее научим.

Обменявшись рукопожатиями и улыбками, увлекаемые хозяином саммита, все прошли в соседнее помещение, где им предложили сэндвичи и напитки.

– Можно слегка размяться гамбургерами и кофе, леди и джентльмены, – улыбаясь и по-простецки предложил Маккейн, – а то сейчас набегут эти голодные революционеры – ученики нашего Майка Боуна и в один миг от сэндвичей ничего не останется, – Маккейн сам первый захохотал и, показывая пример, взял из коробки какую-то печенюшку, – особенно этот твой вечно голодный Гига Бикерия, – подмигивая Брюсу Джэйсону, добавил сенатор, – он всегда голоден и зол.

– Голоден до денег, – усмехнувшись, вставил Брюс.

Прошло еще несколько минут в оживленной беседе и шутках по поводу волонтеров свободы.

– О'кей, все это хорошо, леди и джентльмены, – Маккейн хлопнул себя по ляжкам, как бы подводя черту и говоря, что шутки сейчас сменятся некими важными заявлениями, – но мы собрались для того, чтобы наметить и обсудить наши ближайшие планы и заодно потом выслушать, что скажет госпожа Райс. А теперь, прежде чем мы пойдем знакомиться с нашей бандой исполнителей, я бы хотел, чтобы Майк Боун рассказал господину Ищенко самые важные принципиальные моменты, которых надо держаться в ходе будущей кампании, наши принципы работы. Как у нас вообще организованы дела, давай, Майки, расскажи нам.

Бородатый, похожий на университетского профессора, одетый с допустимой для преподавателя вуза и недопустимой для дипломата небрежностью, пятидесятилетний мужчина сделал приветственный знак рукой и, не поднимаясь с кресла, принялся говорить хорошо заученный и тысячу раз говоренный им текст.

– Тот наш позитивный опыт установления демократий в странах с диктаторскими режимами, что мы приобрели в Сербии и затем в Грузии, позволил нам с уверенностью говорить, что мы можем повторить успех и в Украине.

При слове «Украина» Хербст вздрогнул и дважды кивнул, показывая всем, и прежде всего сенатору, что не спит и что ему очень интересно.

– Безусловно, мы не забываем, – продолжал Боун, – мы не забываем, что наша главная цель не Белоруссия и не Украина, главная цель наших усилий – это установление демократии в России.

– В нынешней диктаторской России, – перебил Боуна сенатор, – мы считаем недопустимыми реваншистские амбиции нового российского руководства, и поэтому цель деятельности моего института, а также организации «Фридом Хаус», представители которой тоже

здесь есть, сделать необратимыми процессы разделения стран бывшего СССР, потому как без Украины Россия качественно не представляет собой мировую державу, и мы, – сенатор сделал жест рукой в сторону Майка Боуна, – и мы теперь вместе с вами, посол, должны подготовить ряд мероприятий, обеспечивающих установление в Украине истинной демократии. Нами успешно разработана технология смены неугодных режимов путем массовой подготовки агентов влияния через наши некоммерческие и неправительственные организации.

– А, знаю, – ревниво доказывая, что он все же не спит, вскинулся Хербст, – агенты влияния – это не напрямую купленные шпионы, а люди, чье мировоззрение сформировано по нашему заказу и которые своей деятельностью способны формировать общественное мнение в своей стране... Я слышал об этом, еще будучи студентом.

– Совершенно верно, уважаемый коллега, – кивнул Майк Боун, – и именно так мы уже провели смену диктаторских режимов и в Сербии и потом в Грузии, – в свою очередь показывая и кивая на сидящих рядом Джэйсона и Хэлвисона, – потому что проведенные нашим институтом семинары стоят втрое дешевле и вдесятеро эффективнее тех старых методов, когда мы втупую подкупали депутатов или кандидатов, которые потом либо проваливались на выборах, либо оказывались недееспособными. Мы должны прекратить делать ставку на вербовку и на покупку отдельных людей, как это делали ЦРУ в пятидесятые и шестидесятые годы, теперь активная компонента по подрывной деятельности переходит от ЦРУ к госдепу, теперь мы не будем тратить деньги на покупку предателей, теперь настала пора практически легальной подрывной деятельности по свержению негодных нам режимов, нынче фонды финансируют вбрасывание в интересующие нас страны достаточного количества агентов влияния, некой критической массы агитаторов, которые формируют настроения, что при правильном управлении процессами создает эффект, сходный с эффектом заводки микрофона.

Слушатели изобразили непонимание.

– Позвольте объясню, господа. Когда микрофон подносят близко к динамику, раздается свист, это происходит потому, что звук из динамика попадает в микрофон, усиливается, выходит из динамика, опять идет в микрофон, опять усиливается и так далее. Так до ультразвука, свиста.

В обществе происходит то же самое. Мы вбрасываем идеи, социологи фиксируют смену настроения, политики узнают от социологов об этой смене и, стремясь заработать очки, начинают пропаганду идей, таким образом, они заражают еще большее количество людей. Это опять фиксируется социологами, их в свою очередь опять читают политики, и пошло-поехало. Простой пример: за последние пять лет мы вложили в пропаганду украинского языка около двадцати пяти миллионов долларов. За это время число людей, желающих говорить по-украински, возросло с тридцати до пятидесяти пяти процентов. Социологи фиксируют этот рост, и даже самые промосковские политики, опасаясь идти против ветра, переходят на украинский язык. Такой политик, купленный Кремлем, приезжает в Москву и говорит: «Я вынужден говорить по-украински, иначе я потеряю избирателя». Вопрос: зачем Москва его купила? Он бесполезен для них. Зато мы своей методикой даже своего врага превращаем в своего агитатора. Наши методы дешевы и эффективны.

– Можете сказать в конкретных цифрах? – поинтересовался Ищенко.

– Да запросто, – кивнул Майк, – так, например, семинары по организации мониторинга выборов и информации населения, проведенные нами за два месяца до выборов в Грузии, стоили нам всего сто пятьдесят тысяч долларов, – ища поддержки и подтверждения, Майк поглядел на Джэйсона. – На подготовку молодежного движения «Хмара» мы потратили всего пять миллионов долларов. И эти семинары, и молодые волки позволили нам провести бархатную революцию роз по устранению диктатуры Шеварднадзе. А для сравнения на подкупы кандидатов в грузинский парламент, которые еще неизвестно, прошли

бы или нет, мы потратили втрое больше, и причем затраты эти стали абсолютно невозвратными. А вкладываясь в подготовку агентов влияния среди молодежи, готовя наших агитаторов, мы даже в случае неудачи имеем потом сохраняемый задел влияния. Вот вы, господин Ищенко, вы потратили пятьдесят тысяч долларов на подкуп главы законодательной палаты в Полтаве, чтобы провести там местный закон о поддержке украинского языка, а купленный вами человек проводку этого закона провалил, его заблокировали депутаты от Партии регионов. И деньги, потраченные на того бесполезного депутата, уже не вернуть. А вот господин Джэйсон, – он кивком указал на Джэйсона, – он за такие же пятьдесят тысяч долларов проводит семинар по организации мониторинга выборов, и этого вкупе с другими мероприятиями в Сербии оказалось достаточно, чтобы свалить диктатуру Милошевича, так что, господин Ищенко, вам надо менять методику работы. Хватит закулисных переговоров и взяток! Истинная демократия проявляется теперь именно в методике борьбы, мы перестаем действовать тайно, мы не делаем ставку на подкуп неверных людей из элиты, с чем успешно боролась российская контрразведка, теперь мы легализуем методы подрывной деятельности, нынче функции свержения диктатур переходят от ЦРУ, от секретных служб к легальным, к прозрачным фондам. Сегодня мы перестаем делать ставку на элиты, сегодня мы делаем ставку на народы.

– Это очень хорошо, – кивнула Екатерина Чумиченко, – очень. На покупку украинских элит не хватит никаких денег. Пусть эти деньги тратят русские, мы купим народ, и гораздо дешевле. При этом народ даже ничего не заподозрит.

У Хербста процесс торможения в головном мозгу, как и положено, сменился на процесс возбуждения. Он уже больше не хотел спать. Наоборот, все больше закипал, глядя на самоуверенных юнцов, очаровывающих гарную украинскую дивчину. Самодовольство этих петухов, которые повторяли бабенке прописные истины, было беспредельным. Подумаешь, сделали революцию в Сербии и Грузии, он, Хербст, пусть офицером, но участвовал в развале целого СССР. Знали бы они, сколько операций он, Хербст, именно по этой методике уже провел в восьмидесятые и девяностые годы!

– Мы будем тесно сотрудничать, госпожа Чумиченко, – поспешил уверить Майк Боун, – отныне Украина – наша первостепенная задача, и мы перемещаем все наши главные силы из Грузии и Сербии к вам в Киев.

– А я в свою очередь буду рад помочь и оказать помощь вашим фондам, – вставил Хербст.

Тем временем к сенатору тихо приблизился один из помощников и, нагнувшись, что-то тихо сказал ему на ухо.

– Господа, – подняв руку, сказал Маккейн, – госсекретарь Лиза Райс уже приехала, только что звонила ее помощница, госсекретарь Райс желает сперва познакомиться с руководителями фондов, потом она выступит перед ними с коротким спичем, ну, а затем мадам Райс хотела бы побеседовать с сенатором и послом и господином Ищенко в уже узком кругу.

Все оживленно поднялись из кресел и, следуя приглашающим жестам сенатора, направились к дверям.

Войдя в соседний холл, Хербст увидел два или три десятка довольно-таки молодых людей, стоявших кучками, группками и оживленно беседовавших между собой. Здесь звучали русская и грузинская и даже знакомая уху Хербста украинская речь.

Хербсту часто доводилось видеть счастливо-возбужденные лица молодых рекрутов идеологической войны, ожидающих от своей активности больших и, главное, скорых дивидендов, это были лица молодых мужчин и женщин, сделавших свой выбор в пользу американской демократии. Многие из них там, у себя, рисковали свободой... Умом Хербст был готов ценить это, но природная брезгливость мешала ему. Он никогда не доверял коллаборационистам. Хербст был внутренне уверен, что большинством из этих революционеров и

революционерок движет не любовь к демократии, а элементарная неудовлетворенная амбициозность, помноженная на алчное желание приобщиться здесь к некой политической ренте. Половиной из этой вечно ошивающейся возле американских посольств молодежи, по убеждению посла Хербста, двигала не любовь к демократии и не ненависть к диктатуре, а внутренняя неудовлетворенность тем собственным местом, что эти молодые люди занимали в своей стране, и, отираясь возле всевозможных фондов и грантов, они, по убеждению Хербста, просто элементарно рассчитывали, например, что Америка поможет им устроить их личную жизнь. Особенно девицы. Уж эти-то были готовы пуститься во все тяжкие, только бы выпрыгнуть на иной уровень материального потребления!

Хербст не верил в их деланный энтузиазм, во все их эти футболки с выставленными кулаками с надписью «Так!»... Хербст брезговал ими, но это была его работа, и ему приходилось улыбаться.

– После победы в Сербии и в Грузии мы теперь поедem на Кубу свергать Кастро, – по-английски и явно рассчитывая на то, что ее услышат Майк Боун с сенатором, крикнула одна из девушек в футболке с надписью «Пора», – мы пошлем на Кубу пятьсот тысяч наших добровольцев из «Фридом хауса», и все будут в желтых футболках с надписью «От диктатуры – к демократии»!

– Познакомьтесь, посол, это Слободан Ивонарич из нашего сербского отделения «Фридом хауса», – представлял Боун молодых людей. – Слободан много сделал для организации семинаров по мониторингу выборов, а это Гига Бикерия, он сделал то же самое, что Слободан, но уже только в Грузии...

– Да, посол, я хотел вас поздравить, – сразу же панибратски заговорил Гига Бикерия. – Отличную операцию вы провели с Тузлой! Мне сказали, что десять тысяч долларов было достаточно для начальника какого-то строительно-монтажного управления в Краснодарском крае, чтобы он дал команду своим экскаваторщикам засыпать пролив между российским берегом и островом Тузлой. Вы сделали на этом огромный скандал, – продолжал Гига, обращаясь уже ко всем присутствующим, – и укрепили антироссийские настроения в Украине. Миллионы статей по всему миру, тысячи новостных сюжетов и радиопередач. Если бы за все это платить как за заказуху – не хватило бы бюджета Украины! При этом все знали бы, что за данную новость заплачено. А тут – настоящий международный скандал: Россия хочет отнять у нас Тузлу! И все-все написали бесплатно. Это отличная работа, посол. Но скажите, правда ли это стоило десять тысяч, или же все-таки дороже? А, старина?

– Я не уполномочен обсуждать с вами этот вопрос, – осадил амикошонствующего южанина Хербст, – тем более что такие операции, как Тузла, не могут строиться на одном начальнике строительного треста. Все гораздо сложнее, чем вам кажется.

Хербст знал, что его люди потратили на провокацию с Тузлой более полумиллиона долларов. Но в одном молодой грузин, стоящий рядом, был прав: если просто заказывать антироссийские статьи во всех СМИ, то не хватит бюджета Украины и США. Тут все писали почти бесплатно...

– Леди и джентльмены, друзья, государственный секретарь США госпожа Лиза Райс, – громко, по-командирски провозгласил сенатор.

Все мгновенно повернулись в сторону раскрывшейся двустворчатой двери. Смех и разговоры почти сразу стихли.

– Добрый день, господа, рада приветствовать вас, – с еле заметной улыбкой сказала темнокожая дама. Она была одета в темно-фиолетовый деловой костюм с довольно-таки короткой юбкой, открывавшей ее стройные ноги.

Сопровождаемая Маккейном и Майком Боуном, госсекретарь по периметру обошла весь зал, лично поприветствовав каждого молодого представителя, каждому она пожала руку, и с каждым она перекинулась парой-тройкой слов.

– Это обязательно запомнится, – шепнул Хербсту на ухо кто-то из советников Маккейна, – госпожа госсекретарь правильно делает, что лично беседует с каждым из молодых представителей, они запомнят этот счастливый момент на всю жизнь и потом будут верно служить делу нашей демократии.

«И руку не будут месяц мыть», – про себя хмыкнул Хербст.

На обход зала у Райс ушло с четверть часа.

Потом госсекретарь встала на небольшом возвышении с микрофоном и, приняв из рук помощницы текст, принялась читать.

Общие слова о решимости молодых людей делать демократию убаюкивали и без того сонного Хербста. На пятнадцатом слове «демократия» он едва не всхрипнул с присвистом, но сам, вздрогнув и испугавшись, что сделает конфуз, встрепенулся, как это делают собаки, выйдя из водоема, и, тараща слипающиеся глаза, принялся добросовестно изображать внимательного слушателя.

Но потом стало интересней.

Когда за госсекретарем и за пятью приглашенными Маккейном самыми доверенными лицами, среди которых, разумеется, оказался и Хербст, плотно затворились двери, от общей, ничего не значащей риторики госпожи Райс не осталось и следа.

– Мы будем называть вещи своими именами, как это принято у разведчиков и врачей, – сказала Лиза, обращаясь к послу, – все эти трюки с фигурами речи оставим журналистам и пиарщикам из Белого дома, а мы, господа, сейчас простыми словами обозначим наши задачи, нет возражений?

Лиза поверх очков оглядела присутствующих.

И убедившись, что возражающих нет, она начала излагать позицию Белого дома.

– Главная стратегическая цель нашей внешнеполитической деятельности, господа, – это не Украина и не Грузия, наша главная цель – это Россия. Мы должны лишить эту страну иллюзий, что она снова может играть какую-то роль на мировой политической арене и быть альтернативным противовесом и оппонентом США. По данным Министерства юстиции Украины, на 1 января 2004 года в стране было зарегистрировано триста девяносто девять международных организаций, четыреста двадцать одна благотворительная организация с международным статусом, сто семьдесят девять структурных ячеек неправительственных общественных организаций зарубежных государств. Сеть негосударственных организаций на Украине развивается в первую очередь благодаря иностранной денежной помощи... За годы независимости Украины сложился активно действующий институт зарубежных доноров НГО. Бюджеты 90 процентов НГО составляют от пятидесяти до трехсот тысяч долларов, тем не менее каждый десятый имеет пятьсот тысяч долларов и больше. Самыми крупными получателями являются Международный фонд «Возрождение» и Институт «Открытое общество», подчиненные Джорджу Сосносу. Спасибо вам, Джордж! Таким образом, мы вкладываем около более пятидесяти миллионов долларов в год на протяжении уже пятнадцати лет в эту страну. Это хорошие инвестиции, на наши деньги открываются курсы украинского языка, издаются книги по украинской истории в нужном нам ключе, издаются газеты, листовки, проводятся митинги, семинары, «круглые столы», конференции. Сотни украинских политиков съездили на учебу на Запад. Мы обучаем журналистов, ученых, юристов. Мы очень много посеяли в этой стране, пора пожинать урожай. На выборах президента должен пройти наш кандидат. Раньше считалось, что побеждает на выборах тот, кто лучше проведет выборную кампанию. Некоторые особо умные знают, что важно не как проголосовали, а как посчитали. Мы же придумали нечто большее – нам неважно, как проголосовали, нам неважно, как посчитали, главное – воспользоваться выборами как поводом заявить о нарушениях, вывести на улицы людей и взять власть. Это общая схема. Детали вы обсудите без меня. А сейчас сенатор Маккейн скажет вам нечто очень важное.

– Господа, – начал Маккейн взволнованно, – я хочу проинформировать вас, что имел разговор с президентом Бушем. Мы достигли с ним взаимопонимания по вопросу о том, что через 4 года, в 2008 году, на выборах президента США я стану единственным кандидатом от Республиканской партии.

– Поздравляем вас, сенатор, – вставил Хербст. Среди присутствующих возникло заметное шевеление.

– Мы пока не знаем, кто будет нашими соперниками от демократов, но понимаем, что основной козырь для нас будет внешняя политика. Чем более кризисной ситуация будет в мире, тем легче нам будет сказать американскому народу: не надо менять коней на переправе. Не надо менять республиканцев. Для того чтобы кризисная ситуация в мире возникла именно в период выборов, мы должны будем ее обострить. Конечно, не мы сами. А наши союзники. Мы думаем, что если бы пара-тройка лидеров постсоветских республик совершили бы в отношении России ряд провокаций, а Россия в ответ напала бы на них, это был бы прекрасный повод закричать на весь мир об имперской России. А сенатор Маккейн явно бы набрал очки в выборной гонке. Для этого нам нужны послушные ребята в этих странах типа того же Саакашвили. Украина также очень важна. Мы видим, что до выборов еще четыре года, но готовимся к ним мы сейчас. Президент Украины Кушма не способен совершить провокацию. Поэтому мы принимаем решение о его замене. Пусть так называемый «народ» его свергнет. Мы же гарантируем ему безопасность. Таким образом, посол, от вашей работы в Украине зависит и судьба Республиканской партии, и судьба преемственности власти в Америке.

– Я осознал все в полной мере. Долгосрочные планы – по мне. – Хербст не без удовольствия вспомнил, что его жизнь была распланирована даже не на четыре, а на сорок лет вперед.

– Вам и нам предстоит большая работа, – сказал Маккейн.

– Совместная работа, – подтвердила Райс.

– Майк Боун поедет в Киев вместе с вами, посол, – сказал Маккейн, – и ваша задача теперь – всемерно оказывать поддержку работе его «Фридом хауса».

– О'кей, – кивнул Хербст. Ему сильно захотелось есть, и очень кстати, что им снова предложили переместиться в холл, где тусовались амбициозные революционеры, возглавляемые будущим президентом Украины и его супругой.

Глава восьмая

Февраль 2004 г.

Горілка «Міров» це чистий смак і відсутність уранішнього похмілля.²²

– Премьер-министр Украины Янушевич начал рабочие поездки по регионам Украины, – сообщает пресс-служба правительства.

Они сидели в уютном ресторанчике на Андреевском спуске.

– Слушай, Коля, – начала Алла разговор, который давно откладывала. – Я вообще-то тут по работе, если ты не забыл. Мне шеф поручил исследовать проблему «голодомора» тридцатых годов.

– Ну, исследуй, раз поручили. Я-то тут при чем?

– А при том, что ты со своими связями можешь мне помочь найти архивы, документы, познакомиться со знающими людьми, экспертами...

– Да чего там знать-то? Большевики насильно забрали хлеб у крестьян, и начался голод, умерли то ли пять, то ли десять миллионов человек.

– Какой ты скорый! Пять или десять?

– Какая разница? Людей ограбили! Короче, каждый пятый украинец тогда умер с голоду на Восточной Украине.

– А на Западной?

– А Западная тогда в Польше была, там «голодомора» не было.

– Почему же тогда семьдесят процентов жителей Западной Украины говорит, что «голодомор» был, а в Восточной Украине так считают только десять процентов жителей? Ведь, по идее, все должно быть наоборот, Восточная Украина должна была про «голодомор» помнить, а Западная про него только слышать краем уха. Это ваши же социологи пишут.

– Ну... Что ты хочешь сказать, что «голодомора» не было, что ли? Ерунда какая-то, всем известно, что он был!

– Да не так все просто, Коля, слушай, какие неувязочки я откопала. Немецкая пропаганда практически не апеллировала к, казалось бы, беспроблемной теме «голодомора». А Геббельс был не дурак! Если бы в «голодоморе» 1933 года на Украине была вина большевиков, то есть если бы большевики действительно забрали хлеб и этим уморили каждого пятого украинца или хотя бы каждого десятого, то для немцев «голодомор» был бы божьим даром. Тогда пропагандистской идеей немцев была бы идея освобождения Украины от тех, кто искусственным голодом убил каждого пятого, с призывом к остальным четырем – отомстить! И немцам надо было бы просто вспоминать и вспоминать о «голодоморе», тем более что в сорок первом году дело-то было семь лет назад. А ведь для психологического воздействия на население использовалось все, что хотя бы теоретически могло найти какой-нибудь отклик среди «замученных большевистским режимом» советских граждан, вызвать ненависть к «советам» и недоверие к командованию. Использовался антисемитизм. Здесь же на Андреевском спуске продаются немецкие листовки: «Бей жида-политрука, морда просит кирпича!», «Бери хворостину, гони жида в Палестину». Только в 1941 году немецкая авиация сбросила на территорию Украины сотни миллионов листовок ста пятидесяти двух разновидностей. И лишь в нескольких из них проскальзывает тема «голодомора» – да и то как факт, мало кому известный и якобы сознательно замалчивающийся большевиками. Уди-

²² Водка «Миров» – это особенный вкус и чистое удовольствие. Никакого похмелья и утреннего недомогания.

вительное дело: по заявлению Кушмы, от голода 1932—1933 годов погибли как минимум двадцать процентов населения Украины, а сами украинцы узнали об этом только из геббельсовской пропаганды! После пары-тройки неудачных попыток раздраконить население Украины напоминанием о голоде нацисты поняли, что вариант этот проигрышный, и вернулись к более эффективным юдофобским воззваниям. Оставив тему «голодомора» в наследство Кушме и Ищенко.

– Ну, я за геббельсовскую пропаганду не ответчик, не знаю я, почему они об этом не писали.

– А вот еще факт, – нажимала Алла, – во время войны немцам так и не удалось сформировать ни одной восточноукраинской дивизии. Хотя служили у них разные – и крымские татары, и чеченцы, и западные украинцы, не испытывавшие на себе ужасов «голодомора», и даже русские-власовцы. А вот тех «украинцев», кто прошел через голод 1932—1933 годов и, по логике Кушмы, должен был люто ненавидеть коммунистический режим, среди предателей оказалось на удивление мало. Почему? Те, кто пострадал на Украине во время голода, потерял своих близких, почему-то пачками в полицаи не записывались. И вместе с «ненавистными комиссарами, большевиками, командирами, евреями», а также москалями, казахами, узбеками и белорусами шли в бой «за Родину, за Сталина!». Почему?

– Что ты меня допрашиваешь-то? Не знаю я!

– Так, вот я и говорю, загадка! Познакомь меня с кем-нибудь, кто эту тему досконально знает! А? Не с пропагандистом кушмовским, который врет про десять миллионов умерших с голоду, а настоящим историком?

– Используешь мое служебное положение! – сказал Николай и для разрядки обстановки крепко обнял девушку.

* * *

Ти ще не користуєшся Інтернетом? Безкоштовне підключення, вигідний тариф!²³

– Юлія Тимоченко провела на майдане Незалежності мітинг з вимогами звільнення президента Кушми, – повідомляє радіо «Свобода плюс».

Принадлежащий Дружинину киевский офис «Крымспецинж-строя» представлял собой три комнатки в недорогом Бизнес-центре на Дегтяревской, в доме, построенном еще в стиле советского конструктивизма тридцатых годов. В доме этом, специально задуманном как госучреждение, были громадные, хоть в футбол играй, вестибюли, коридоры и широкие лестницы, но зато маленькие комнатухи. В одной из этих по сто гривен за квадратный метр арендованных Евгением комнатух сидела недоучившаяся филолог-переводчица Галочка, что была и секретаршей, и заместителем Дружинина по общим вопросам одновременно, в другой комнатке, где стоял сейф, там, по идее, был кабинет Евгения Васильевича, а в третьей – так называемой «совещательной», где до поры складывали всякое барахло, старые мониторы от компьютеров, какую-то кафельную плитку в пачках по сто штук, какую-то сантехнику – неизвестно кому, для кого, здесь, среди этого хлама иногда сидел приходивший через день сисадмин Коля Королько – лохматый и вечно не в себе паренек с мутным взглядом ночи не спящего человека.

Дружинин прощал Галочке весь этот беспорядок, может, потому, что она напоминала ему его Катеньку...

²³ Ты еще не пользуешься Интернетом? Бесплатное подключение, выгодный тариф!

Катя все время ругала своего Дружинина, а она любила называть мужа по фамилии, за беспорядок. Но Евгению Васильевичу неожиданно понравилось такое перераспределение ролей. И если в армии, в горах Афгана, он был несгибаемый командир отделения первого взвода разведроты – сержант, орденоси́нец, кавалер ордена Красной Звезды, да еще и с медалью «За отвагу», и если у себя в стройтресте он был суровым и даже мрачным топ-менеджером, которого одинаково боялись и нерадивые матерщинники – прорабы, и крючкотворы – главные бухгалтеры, то дома, на Вернадского, Дружинин менялся, становясь мягким и послушным исполнителем воли своей нежной Катеньки.

Ах, как они любили, как они обожали Василька.

Бывало, Евгений поднимал свою сильную руку под самую люстру в их гостиной, Васечка как бы летал, смешно махая ручонками, и когда счастливый отец при этом приговаривал, как бы комментируя полет сына вокруг люстры, де, «Герой Советского Союза летчик-космонавт Васечка Дружинин вознесся к звездам и совершил мягкую посадку», Катюша, что с нескрываемым испугом наблюдала эти полеты сына, ворчала на мужа: «Только не урони, только не урони!»

Но Евгений Васильевич не уронил ни разу, и, когда улыбчивый малыш Васечка завершал третий или четвертый облет люстры, Дружинин мягко опускал руку, и Вася благополучно «приземлялся» на расстеленное на диване теплое махровое полотенце.

Они часто гуляли вместе. Дружинин специально купил тогда большой «Форд-универсал», чтобы туда помещалась коляска, и они ездили в Битцу. Дружинин счастливо улыбался, когда видел, как у Васечки в глазах отражается голубое весеннее небо. Вот и Катя гордилась: «Вон какого красивого мальчика я родила».

– От моих генов, – пытался вставить Евгений.

– Ну, вот уж и нет, – фыркала Катюша, – слава богу, Васечка похож на меня и на моего папу в молодости.

А Евгений Васильевич и не обижался. Он слишком любил Катю. Свою Катю.

Вот и на Галку он никогда не сердился...

– Опять твой Коля всю «совещательную» захламил, ни войти, ни сесть, ни людей принять, – с порога начал ворчать Дружинин.

– Вы сами не разрешаете старую оргтехнику выбрасывать, – отпарировала Галина, – снимите еще одно помещение под склад, тогда и ругайте на здоровье.

Вообще, настроение у Дружинина с утра было дерганое. С одной стороны, предстояла не такая уж и частая в последнее время, и потому радостная, встреча с сыном Васильком, но радость эта омрачалась тем обстоятельством, что Евгений Васильевич точно и наверняка знал, зачем приедет сын. Сын должен был приехать не столько с папой повидаться, сколько денег просить. И будь обстоятельства иными, Дружинин с радостью бы дал сыну эти деньги, сколько бы тот ни попросил. А то он раньше ему не давал? Но теперь, когда произошла эта катастрофа с экстремистами на его крымских стройплощадках, свободных денег у Дружинина не было.

Оттого и нервы шалили.

Оттого и на бедную Галочку ни с того ни с сего наехал с утра.

– У тебя хоть кофе и сахар имеются? – примирительно спросил секретаршу Дружинин. – Вася с девушкой своей заехать обещал, угостить их сможем?

– Обижаете, Евгений Васильевич, – уже совсем не дуясь на шефа, ответила Галочка, – у нас и что покрепче кофе найдется, после вас с Маратом еще осталось.

Вася приехал почти без опоздания.

Это означало, что деньги ему были нужны «очень-очень». Степень пунктуальности явки на свиданку к родителю определялась у Василия величиной его долгов. Добрые люди говорили Дружинину, что новая Васина любовь требует расходов, перед ней, Анжелой, он

понтует, готов хоть луну с неба... купить. Простую девчонку удивить можно и походом в ресторан, но Анжела была девушкой не простой, а из богатой семьи, как ему доложили. «Не по Сеньке шапку он себе взял», – говорили добрые люди.

Вася вошел, весь такой окрыленный, буквально ворвался в отцовский офис и представил Евгению Васильевичу своего ангела.

– Анжела... Анжела Тимоченко, – поджав губки, сказала длинноногое и волоокое семнадцатилетнее дитяtko, церемонно протягивая Дружинину руку.

– Ваша мама... – вежливо начал Дружинин.

Однако Вася поспешил перебить отца, восторженно заглядывая на свою красавицу, искательно выпрашивая в ее взоре ответное чувство, он воскликнул:

– Да, Анжелкина мама – та самая Тимоченко, представляешь, папа!

Галя внесла в кабинет поднос с кофе.

– Папа, почему ты не распорядишься, чтобы Гале поставили «koffe-machine»? – предъясил сын.

– Мы еще с тобой не заработали, сынок, – сдержанно ответил Евгений Васильевич, – а если без шуток и серьезно, сынок, то и у нас на стройке в Крыму возникли такие большие проблемы, что свободных денег у нас сейчас просто нет.

Евгений Васильевич намеренно завел разговор на эту тему. Таким образом он превентивно подводил базу под свой отказ на ту очевидную просьбу, с которой приехал сын.

– А как у тебя, Васенька, дела идут? – перевел разговор Дружинин. – Как твои продюсерские прожекты?

– Я, папа, сейчас работаю со звездами первой величины, не с какими-то там «Машами из ресторана», а с настоящими!

«Машами из ресторана» Евгений Васильевич презрительно называл всех современных безголосых певичек, и Вася на эти слова отца всегда реагировал очень болезненно. Знаменитые фрейдовы комплексы проявлялись в Васе Дружинине таким образом, что он очень расстраивался от того, что отец с иронией и недоверием относился ко всем Васиным начинаниям в сфере бизнеса, считая их несерьезными, чем-то вроде хобби, но никак не настоящим делом. Поэтому Вася и злился на эти отцовы формулировочки вроде «Маш из ресторана», поэтому отец и денег на это не любил давать, приговаривая и поучая:

– Займись, Васенька, настоящим делом, «Машки из ресторана» – это не бизнес, окончи строительный институт, экономический факультет, цэ дило, а все эти твои концертные туры, да съемки клипов, да вечная беготня с рекламой, да с раскруткой на радио и телевидении, где только кокаин да венерические болезни, где одни только наркоманы, это не бизнес, это дерьмо!

Васю ранило такое отношение отца к его занятию, и он очень хотел деньгами и успехом доказать любимому папе, что тот не прав, что в шоу-бизнесе можно заработать такие деньги, что и папин стройбизнес будет отдыхать. Васе даже мечталось, что вот раскрутит он какую-нибудь украинскую звездочку, вроде Брумгильды, выведет ее на уровень Москвы или даже Евровидения, проедет с нею туром по всему миру, заработает кучу денег, да и купит отцу банк... Или половину строительных трестов всей Украины...

Но покуда не получалось. Не вытанцовывалось покуда. И, наоборот, на раскрутку каждой новой восходящей потенциальной «Брумгильды» приходилось брать денег у папы. Вроде как пока в долг. В долг без отдачи.

– Пап, я хотел вообще-то предложить тебе вложиться в наш с Анжелой новый проект, – нервно покашляв в кулачок, сказал Вася, – ты бы дал мне денег немного, деньги, чесслово, стопуд отобьются, я осенью с процентами верну.

Евгению Васильевичу менее всего хотелось, чтобы их с сыном беседа потекла развиваться именно в этом русле. Отказывать всегда неприятно, особенно сыну. А тут весь дра-

матизм ситуации усугублялся еще и присутствием его девушки, из-за которой его Вася так расфуфырился, так распальцевался, мол, папа даст, папа раскошелится.

– А я решил заняться политикой, – неожиданно подмигнув Анжеле, сменил тему Евгений Васильевич, – вот приму украинское гражданство, да и подамся в стан вашей мамы, продам свой бизнес в Крыму, да и снесу денег в вашу, как ее, вашу партию там?

– Блок Тимошенко, – подсказал Вася.

– Во-во, в этот самый вот блок, – снова хитро подмигнув Анжеле, кивнул Евгений Васильевич. – Жалко, за мою стройку в Бахчисарае теперь много не дадут, если разве только по шее могут надавать.

– Что? Совсем плохи дела там? – с показным сочувствием спросил Вася.

– Плохи, сын, совсем плохи, – вздохнул Евгений Васильевич, – слышал, наверное, про самозахват татарскими экстремистами земель, так вот, мы с нашим строительством в самом эпицентре этих событий оказались, в самой гуще. Того и гляди, нас совсем разорят. Не знаю и кому жаловаться идти.

– А что дядя Марат тебе советует? – уже по инерции, уже без интереса спросил Вася. Он понял, что папа денег сегодня не даст, и поэтому уже внутренне настроился на то, чтобы откланяться.

– Да вот как раз собираюсь к дяде Марату по этому вопросу, – снова вздохнув, сказал Евгений Васильевич, – поеду, что он мне там назовет.

Повисла неловкая пауза.

– Да, пап, мы, пожалуй, двинем, – поднимаясь с кресла, сказал Вася, – жаль, конечно, что ты не можешь нам помочь, но мы не пропадем, правда ведь, Анжелка? – нарочито бодро сказал Вася и, приобняв подругу, повлек ее к выходу.

– Звони, сын! – сказал вдогонку Евгений Васильевич.

* * *

*Мобільні телефони «Ноки». Великий вибір, чухонська якість!*²⁴

– В. Янушевич призвал развивать дружеские отношения с Россией в интервью телеканалу «Интерс».

У Марата Гельбаха сидел Повлонский.

– Как хорошо, что я вас обоих застал! – воскликнул Евгений Васильевич. – А то я уже совсем приуныл.

– Уныние есть очень тяжкий грех, – с тонкой ироничной улыбкой, глядя поверх очков, сказал Повлонский и протянул руку Евгению Васильевичу.

– А я вот и приехал посоветоваться к друзьям, да и исповедаться, чтобы не помереть во грехе, – шутливо улыбаясь и пожимая поданную Повлонским ладонь, ответил Дружинин.

– Пить будешь?

На модном столике со стеклянной столешницей стояла распечатанная бутылка коньяку «Суворов», и подле соблазнительно лежала деревянная коробка доминиканских сигар.

– Буду, – коротко ответил Дружинин, – за тем и приехал.

Марат вызвал секретаршу, и та тут же принесла еще один большой шарообразный бокал.

Выпили.

²⁴ Мобильные телефоны «Ноки». Большой выбор, финское качество.

Марат чуть пригубил, Повлонский глотнул и тут же, попыхивая, принялся раскуривать сигару. А Дружинину вдруг захотелось слегка отпустить напряженно-сдавленные нервами тормоза, и он залпом опрокинул в себя весь drink без остатка.

– Ты его как водку пьешь, – заметил Марат, – а ведь «Суворов», даром что приднестровский коньяк, а шестьсот баксов стоит! Сорокалетний!

– Хочу нервы снять, – потряс головой, сказал Дружинин, – тяжело жить стало, ребята.

– Что такое, Женя? Что случилось, родной? – беря с блюдечка ломтик лимона и отправляя его в рот, ласково поинтересовался Гельбах. – Расскажи, и на душе легче станет, а то, может, и мы с Глебом чем твоему горю поможем.

– В общем, затеял я в свое время строительство в Крыму, – как заученный урок, с выражением начал Евгений свой рассказ, – после смерти жены, вы же знаете, что Катя моя трагически погибла, так вот, после ее смерти решил я, знаете, что надо после себя оставить что-то на земле, такое, чтоб на сто лет, решил построить в Бахчисарае санаторно-оздоровительный комплекс, да еще и с четырехзвездочной гостиницей для коммерческого туризма.

– Прямо так, с бухты-барахты решил? На ровном месте? – недоверчиво поинтересовался Повлонский.

– Ну, конечно же, не на ровном месте, – разведя руками и улыбаясь, ответил Дружинин. – Кто же на такие авантюры просто так, с бухты-барахты решается! У меня в Крыму друг есть, мы еще в армии с ним вместе служили, он строитель профессиональный, у него целое строительное управление на тот момент под началом было. Небольшое такое управление, но как база для раскрутки годилось. В общем, мы с другом на паях и организовали наш с ним Крымспецстрой. Он вложился базой. Свой бетонный заводик, пиломатериалы, автопарк с техникой, опять-таки прорабы, рабочие, специалисты, не на голом месте начинать, ну, а я вложился деньгами, кредитами, ну, и влиянием, естественно.

– А как добились разрешения? – спросил Марат.

– А легко, – хмыкнул Дружинин, – это в первую очередь не коммерческая тургостиница с бассейнами, пляжами да дискотеками, а в первую голову санаторий для чернобыльцев, понимаете? – Евгений Васильевич с выражением поглядел на Повлонского. – Такая формулировка сразу понравилась Хоронько и Козленко, они даже Кушме о нашем строительстве, как о личных своих достижениях, докладывали, и Кушма, между прочим, одобрил.

– Козленко, это который в Симферополе? – уточнил Гельбах.

– Точно, – кивнул Дружинин, – а Хоронько – это замминистра строительства.

– Ну и дальше? – нетерпеливо спросил Повлонский.

– А дальше развернулись мы на полную ширь, сделали все работы нулевого цикла, решили вопросы врезок и коммуникаций, начали уже коробки возводить, и тут...

– Что? – подняв брови, спросил Гельбах.

– И тут начались беспорядки с этими вернувшимися в Крым татарами, – всплеснув руками, сказал Дружинин.

– Видали мы по телевизору, – сочувственно вздохнув, сказал Повлонский, – попал ты, брат.

– Ну, банк меня пока за кредиты не душит, – согласился Евгений Васильевич, – но ведь сама стройка стоит, и неизвестно, состоится ли теперь вообще? Ведь там, где должна была быть гостиница, там теперь сарайчики этих татар, что они из моего же материала построили, они ведь теперь там, понимаете ли, живут!

– И что теперь ты собираешься делать? – спросил Марат.

– Собираюсь вложиться в будущую власть, чтобы с приходом новой выбранной администрации не только вернуть отобранное, но и завершить мое начатое дело, – твердо и решительно подвел итог Евгений Васильевич.

– Ну, и на кого ты собираешься поставить? – наливая еще по одной, поинтересовался Марат.

– Думал, вы мне подскажете, – дипломатично ответил Дружинин, – за тем и приехал.

– Мы подскажем, – не сговариваясь, дуэтом в голос сказали Повлонский с Гельбахом и рассмеялись, переглянувшись.

– Тут вот какое дело, – начал Повлонский, – ты не знаешь, наверное, но нас с Маратом откомандировали из Кремля помогать премьер-министру Янушевичу на этих выборах. Он и победит. Мы тебя к нему заведем. Но охотников денег дать много, а вот дельный совет иной раз больше стоит.

– Да я в этом не разбираюсь, какие советы я дать могу?

– А мы с Маратом на что? Мы тебе скажем, какой ему совет посоветовать.

– Так почему вы сами ему этот совет не посоветуете?

– Не все он готов услышать от нас, и не все можем сказать ему мы. Мы с Маратом понимаем, что Янушевич легко может проиграть. А чтобы он выиграл, ему нужно сделать радикальные шаги. Но если мы посоветуем ему эти шаги, то он нас выгонит – вот и все. Более того, как бы от нас, ты тоже зайти не можешь, а то он поймет, что мы тебя подучили. Мы тебя через депутата Сидоренко выведем на шефа его охраны – Николая Козака. Попросишь его о встрече с Янушевичем. А дальше расскажешь ему вот что...

Глава девятая Февраль 2004 г.

Аксессуары «Бюст» – це самі кращі подарунки вашим жінкам.²⁵

– Глава администрации Президента Украины Медвешук отрицает свою причастность и использование административного ресурса на выборах глав местного самоуправления, идущих в разных городах Украины, – сообщает агентство «АПН».

– Давай вылетай в Киев, – почти крикнул Дружинин в трубку, хотя связь с Торонто работала отлично и не было никакой необходимости кричать или вообще повышать голос. Ксендзюк на том конце эфира в своей далекой Канаде все распрекрасно слышал.

– Что? Есть зацепка по нашим делам? – поинтересовался Павло.

– Ты что там, жрешь, что ли? – снова недовольно заорал Дружинин. – Чего там? Жуешь?

– Сало с борщом жру, – засмеявшись, подтвердил Ксендзюк, – я зараз, тильки борщ з салом доїм і відразу негайно поїду в аеропорт летіти до Києва как дожру, так до аеропорту пиду, и вилету.

– Хватит глумиться, – уже более спокойно сказал Дружинин, – я согласен на все твои авантюры с этими консервами, мне деньги нужны.

– Усим гроши трэба, – хмыкнул Павло Ксендзюк.

– Ну, так прилетишь? – спросил Дружинин.

– Прилечу, жди, – ответил друг.

* * *

– Форд «Фокс» – автомобіль, що задовольняє ваші будь-які запити!²⁶

– ЦИК Украины сообщил о девяностопроцентной готовности Украины к предстоящим осенью выборам президента.

– Ой, Алка! Ты как с Мальдивских островов из отпуска отдохнувшая приехала, а не из командировки, ей-богу! – всплеснула руками Лена Асланян, когда, входя в родную редакцию, Алла столкнулась в коридоре с подругой. – Ты, наверное, там хорошего любовника себе уже завела? Две недели в Киеве, достаточный срок!

²⁵ Аксессуары «Бюст» – лучшие подарки вашим женщинам.

²⁶ Форд «Фокс» – автомобиль, удовлетворяющий ваши любые запросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.